

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«ЧЕРЕПОВЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Гуманитарный институт
Петербургское лингвистическое общество

ПРОБЛЕМЫ ПОРОЖДЕНИЯ И ВОСПРИЯТИЯ РЕЧИ

Материалы
XI выездной школы-семинара

*7 – 8 декабря 2012 года,
г. Череповец*

Череповец
2013

ББК 81
УДК 81.23
П 78

Печатается по решению НТС ЧГУ,
протокол № 3 от 15.11.2012 г.

П 78

Проблемы порождения и восприятия речи: Материалы XI выездной школы-семинара (7 – 8 декабря 2013 г., г. Череповец) / Отв. ред. Р.Л. Смулаковская. – Череповец: ЧГУ, 2013. – 100 с.

ISBN 978-5-85341-570-6

Сборник включает статьи как опытных, так и начинающих лингвистов, принимавших участие в работе XI школы-семинара «Порождение и восприятие речи». В сборник вошли работы, посвященные проблемам моделирования восприятия речи с использованием инструментальных методов обработки звукового сигнала, экспериментальным методам изучения ментального лексикона, а также вопросам онтолингвистики, билингвизма и кодовых переключений.

Издание адресовано специалистам, а также аспирантам, магистрантам и студентам, специализирующимся в области психо- и онтолингвистики, билингвизма, а также всем тем, кто интересуется инновационными технологиями в области изучения языка и речи.

Ответственный редактор: *Р.Л. Смулаковская*, канд. филол. наук, проф. (ЧГУ)

© Коллектив авторов, 2013
© ФГБОУ ВПО «Череповецкий государственный университет», 2013
© Петербургское лингвистическое общество, 2013

ISBN 978-5-85341-570-6

Содержание

Предисловие	4
-------------------	---

Раздел 1

Порождение и восприятие речи. Ментальный лексикон и экспериментальные методы его изучения

<i>Бусыгина О.А.</i> Структурно-семантический анализ ключевых слов к научной статье (на материале «Вестника ЧГУ»)	5
<i>Венцов А.В.</i> Просодическое аннотирование речевых корпусов и моделирование восприятия речи.....	10
<i>Горушкина А.В.</i> Морфемная омонимия и полисемия в современном русском языке как источник языковой игры (на материале «Этимологического словаря Б.Ю. Нормана)	18
<i>Грудева Е.В.</i> Уроки географии, или Что мы знаем о городах России (на материале ассоциативного эксперимента)	23
<i>Коришунов Д.С.</i> Частотность букв и буквосочетаний в русском художественном тексте	41
<i>Петрова Е.А.</i> «Зеркальные» глагольные связи в структуре ассоциативно-вербальной сети	48
<i>Слепокурова Н.А.</i> Прочитанная и спонтанная речь: сходство и различия	54

Раздел 2

Билингвизм. Онтолингвистика

<i>Демушкина Т.Н.</i> Средства выражения несогласия в билингвальной речи	63
<i>Мишинцева И.Ю.</i> Островные переключения кодов в художественных произведениях	67
<i>Осминкина Е.И.</i> Роль личных глагольных форм в онтогенезе персонального дейксиса	75
<i>Сальникова О.С.</i> Естественная письменная речь как отражение орфографического портрета ребенка дошкольного возраста	82
<i>Солодовникова Н.Н.</i> Структура ассоциативного поля как показатель формирования искусственного билингвизма студентов	88
<i>Чиршева Г.Н.</i> Особенности формирования моноэтнического детского билингвизма.....	93

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемый сборник материалов является результатом работы XI выездной школы-семинара «Проблемы порождения и восприятия речи», регулярно проводимой с 2001 года кафедрой отечественной филологии и прикладных коммуникаций Гуманитарного института ЧГУ и Петербургским лингвистическим обществом. Опубликованные статьи отражают научно-практический характер школы-семинара, ее направленность на внедрение современных технологий и методов исследования языкового материала, естественное сочетание опыта и высокого профессионализма с научным поиском молодых исследователей. В публикациях представлены такие актуальные направления современного языкознания, как корпусная лингвистика, психолингвистика (исследование ментального лексикона), моделирование речевой деятельности, билингвология, онтолингвистика.

*Куратор проекта Р.Л. Смулаковская,
кандидат филологических наук, профессор кафедры
отечественной филологии и прикладных коммуникаций
Гуманитарного института ЧГУ*

**ПОРОЖДЕНИЕ И ВОСПРИЯТИЕ РЕЧИ.
МЕНТАЛЬНЫЙ ЛЕКСИКОН И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ
МЕТОДЫ ЕГО ИЗУЧЕНИЯ**

О.А. Бусыгина

Череповецкий государственный университет

**СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
КЛЮЧЕВЫХ СЛОВ К НАУЧНОЙ СТАТЬЕ
(на материале «Вестника ЧГУ»)**

Традиционно под **ключевыми словами** понимается набор слов, кратко представляющих суть текста. Ключевые слова – это семантическое, смысловое ядро текста.

Проблематика, связанная с исследованием ключевых слов как концентрированного выражения основного содержания текста, достаточно широко и активно разрабатывается в разных областях гуманитарных наук: в психологии (Н.И. Жинкин, А.А. Смирнов), в психолингвистике (Т.М. Дридзе, А.И. Новиков, Л.В. Сахарный, А.С. Штерн), коммуникативной стилистике (Н.С. Болотнова, А.В. Лукин), филологическом анализе текста и литературоведении (Л.Г. Бабенко, Ю.В. Казарин). В указанных отраслях научного знания определения ключевых слов (далее – КС) могут отличаться. Так, **в психологии** КС – это единицы внутренней речи, которые могут соотноситься со словами текста (Н.И. Жинкин, А.А. Смирнов); **в литературоведении** КС – это лейтмотив отдельного произведения или творчества писателя в целом (Ю.В. Казарин); **в психолингвистике** КС – слова, которые отражают ядерный смысл текста; КС выделяются экспериментальным путем (А.С. Штерн, Л.В. Сахарный).

Сегодня тема КС по-прежнему актуальна в связи с развитием электронных библиотек и каталогов, а также электронных поисковых систем в целом: КС помогают осуществлять быстрый поиск нужного источника. Остается актуальным и решение психолингвистических вопросов, в частности вопроса о том, какова роль КС при восприятии текста.

В настоящее время для публикации в научном журнале в числе обязательных выдвигаются требования представить аннотацию и перечень КС. Таким образом, сформировать набор КС к статье предлагается самим авторам статьи. Как правило, КС располагаются до основного текста, но после заглавия и аннотации.

Назначение КС – раскрыть тематическую направленность статьи. КС позволяют сэкономить время при первом знакомстве со статьей. Подбор КС к научной статье является не только требованием к научной публикации, но и важным элементом ее продвижения в сети Интернет. Благодаря КС поисковые системы и специализированные картотеки классифицируют научные произведения по определенным смысловым признакам.

Не секрет, что очень часто авторы включают в набор КС и те слова, которые реально не встречаются в тексте статьи. В связи с этим Е.Г. Абрамов предлагает различать понятия «ключевое слово» и «тег». Под **ключевыми словами** (от англ. *keyword*) автор понимает «определенные слова из текста, способные представить наиболее значимые слова, по которым может вестись оценка и поиск статьи» [1]. В свою очередь, **тег** (от англ. *tag* – ‘метка’) – это «некий ярлык, характеризующий статью. По набору таких ярлыков можно быстро понять, чем отличается одна статья от другой» [1]. Главное отличие тега от КС состоит в том, что слово-тег может и не встречаться в тексте статьи, однако оно будет характеризовать содержание текста. Такое разделение понятий мы считаем уместным и верным и в дальнейшем изложении будем придерживаться данной терминологии.

Мы провели небольшое исследование на материале научных статей. Цель исследования заключалась в структурно-

семантическом анализе КС, включая проблему разграничения собственно КС и слов-тегов.

Материалом исследования послужили статьи, опубликованные в научном журнале «Вестник Череповецкого государственного университета». Журнал издается с 2002 года. С 2010 года научный журнал «Вестник ЧГУ» включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук. Журнал выходит 4 раза в год.

Нами были обработаны статьи, представленные в рубриках «Филология» и «Педагогика и психология» и опубликованные в журнале за 2009 год (номера 1, 3, 4). Всего было обработано 35 научных статей, включая сопровождающие их аннотации и КС.

В результате анализа указанных материалов нами было установлено, что довольно часто авторы научных статей включают в перечень КС и те слова, которые отсутствуют в тексте статьи, но каким-то образом связаны с ее темой. Так, из 35 проанализированных статей слова-теги присутствуют в перечнях КС к 8 работам.

Например, в статье «Пародия А. Сниткина «Поездка в Парголово» и стихотворение А.А. Фета «Деревня» (к проблеме соотношения)» Е.В. Целиковой [3, с. 61-64] автором выделены следующие КС: *пародия, А.А. Фет, А. Сниткин, сатирическая журналистика, сатирический журнал «Искра», механизмы пародии, литературный процесс 60-х гг. XIX в.*

В данном случае **ключевыми словами** являются: *пародия* (в тексте статьи встретилось 17 раз), *А.А. Фет* (в тексте употреблено 14 раз), *А. Сниткин* (встречается 11 раз), отчасти *сатирический журнал «Искра»* (в таком виде данное наименование в основном тексте статьи не встречается, в статье используется номинация *журнал «Искра»*), это КС содержит дополнительную характеристику, отсутствующую в тексте статьи.

К **словам-тегам** в данной статье относятся: *сатирическая журналистика, механизм пародии и литературный процесс 60-х гг. XIX в.* Указанные словосочетания в основном тексте статьи отсутству-

ют, но вынесенные в качестве КС, они дают полное представление о тематике статьи, о проблемах, которые будут в ней рассматриваться, и о материале, с которым работал автор.

Необходимо отметить, что КС (в широком понимании) при их восприятии запускают у читателя механизм ассоциаций, т.е. КС способны к наращению смыслов. Так, несмотря на то, что приведенные выше примеры слов-тегов в самой статье не встречаются, а вместо них используются своего рода «слова-заменители», о том, что речь идет о литературном процессе 60-х гг. XIX в., можно понять по упоминанию даты написания стихотворений, имен авторов, названия журнала.

Указанную способность КС – скрывать за собой нечто большее – можно продемонстрировать на примере еще одной статьи: «Из истории русской журналистики» С.В. Шарифуллиной [3, с. 53–55]. КС данной статьи: *XIX век, журналы, Россия, власть, политика*. В данном случае все слова являются ключевыми, кроме слова-тега *власть*. Статья посвящена анализу смены доминирующих либеральных и демократических журналов XIX века в зависимости от изменений в политической ситуации и власти. В статье дается строгая хронология, приводятся имена, благодаря чему читатель знакомится с политической ситуацией, понимает механизм взаимодействия журналистики и власти. Если обратиться к КС *журналы*, то можно заметить, что в тексте статьи встречаются лишь идентифицирующие названия изданий («Современник», «Искра», «Русский вестник», «Русская беседа» и др.). Автор статьи не использует классифицирующей номинации (*журналы*), полагаясь на компетентность читателей. Тем не менее указанные номинации относятся к КС *журналы*.

В качестве КС могут использоваться как отдельные слова, так и целые выражения. Так, в статье Н.П. Сухаревой «Глаголы с семантикой «соответствовать» (на материале немецкого языка)» [4, с. 62–65] в раздел «КС» автором были вынесены практически только словосочетания и фразы: *понятие «соответствие», глаголы с семантикой соответствия, глаголы со значением «быть/находиться в соответствии или несоответствии, глаголы со значением «при-*

водить в соответствие», глаголы-реципроки, актант, объектные глаголы, субъектно-объектные глаголы.

В качестве ключевых выражений чаще всего выступают либо неделимые в смысловом отношении словосочетания (например, *ценностное отношение, педагогическое обеспечение, организационно-педагогические условия* [2, с. 3–9]), либо выражения, отражающие тему статьи, обобщающие материал. Например, в статье И.А. Остренко «Приюты для девочек в художественном восприятии русских писательниц начала XX века» [4, с. 47–52] одним из КС является *драматизм судьбы ребенка*. Несмотря на то что в тексте это выражение не встречается (т.е. оно является не КС, а словом-тегом), оно отражает основную мысль статьи и отношение автора к исследуемому материалу.

В проанализированных 35 научных статьях наборы КС состоят в среднем из 3–8 единиц. В нашем материале встретились случаи, когда раздел «Ключевые слова» состоял всего из одного высказывания: *готовность студентов к профессионально-педагогической деятельности (мониторинг, результаты)* [2, с. 31–35]. По-видимому, в данном случае автор статьи одним предложением определил основную тему статьи, но вряд ли здесь можно говорить о наличии КС или слов-тегов. Приведем на этот счет мнение Е.Г. Абрамова: «3–4 слова – этого будет явно недостаточно для того, чтобы отразить характер отдельной статьи. Лучше использовать 10–15 слов в зависимости от объема текста. Каждое дополнительное слово – это возможность привлечь читателей к статье» [1]. Отметим, что высказывание Е.Г. Абрамова носит рекомендательный характер.

Проблема подбора КС к научной статье требует всестороннего изучения. В дальнейшем планируется расширить материал исследования, а также провести опрос экспертов на предмет выделения КС в избранных статьях с целью последующего сопоставления полученных результатов с теми наборами КС, которые составили авторы статей.

Литература

1. *Абрамов Е.Г.* Подбор ключевых слов для научной статьи. – URL: <http://nppir.ru/article/1881/>.
2. Вестник Череповецкого государственного университета. Научный журнал. – 2009. – № 1.
3. Вестник Череповецкого государственного университета. Научный журнал. – 2009. – № 3.
4. Вестник Череповецкого государственного университета. Научный журнал. – 2009. – № 4.

А.В. Венцов

Санкт-Петербургский государственный университет

ПРОСОДИЧЕСКОЕ АННОТИРОВАНИЕ РЕЧЕВЫХ КОРПУСОВ И МОДЕЛИРОВАНИЕ ВОСПРИЯТИЯ РЕЧИ

Аннотирование каждого звучащего текста, включаемого в корпус, складывается из нескольких последовательных операций:

– членение соответствующего акустического сигнала на отрезки, содержащие речевые высказывания, и разного рода паузы. Этим, в сущности, реализуется первый этап просодического аннотирования: непрерывная последовательность разбивается на межпаузные интервалы;

– орфографическое описание каждого содержащего речь отрезка, т.е. определение того, что было сказано, какие именно слова были произнесены;

– акустико-фонетическое транскрибирование каждого такого отрезка, т.е. описание того, как именно было произнесено каждое слово данного высказывания.

Орфографическая запись звучащего текста делает возможным лексико-грамматический анализ высказываний, а фонетическая транскрипция позволяет не только оценить акустическую сторону высказывания, но в известной степени даже воспроизвести звуковую картину по соответствующей символьной записи, т.к. символы

фонетической транскрипции отражают определенные качественные и количественные характеристики акустического сигнала.

Известно, что интонационными (просодическими) средствами можно придать разные значения высказыванию с одной и той же лексико-грамматической структурой (повествование, восклицание, вопрос и т.д.). Очевидно, что и просодическая аннотация должна обеспечивать адекватную интерпретацию подобных коммуникативных значений, а в совокупности с фонетической транскрипцией и возможность последующего звукового воспроизведения.

Создавая свой корпус звучащих текстов, снабженных акустико-фонетической транскрипцией, мы рассчитывали решить две задачи: получить информацию о реальном акустическом воплощении словоформ русского языка и иметь исходный материал для разработки возможных алгоритмов лексического поиска в модели восприятия речи [2]. Предполагалось, что полученное в результате дискретно-символьное описание непрерывного речевого сигнала может в первом приближении служить аналогом его представления на выходе первых уровней слуховой системы и может быть использовано процедурами лексического поиска.

Учитывалось также, что для правильного понимания речевого сообщения носителю языка необходима, помимо лексико-грамматической, информация иного рода – просодическая, связанная, в частности, с особенностями мелодического оформления конкретного высказывания, которые выражены изменениями частоты основного тона. Высказывается предположение [6, с. 131], что выделение и анализ изменений этого параметра речевого сигнала происходит параллельно с обработкой сегментной информации, а результаты приписываются соответствующим единицам дискретного описания речевого сигнала (слогам, словам и т.п.). Таким образом, для адекватного описания речевого сигнала акустико-фонетическая транскрипция сегментного уровня должна быть дополнена просодической транскрипцией: в первую очередь, транскрипцией мелодического оформления высказывания.

В настоящее время для подобного описания русской речи предложены две системы просодической транскрипции, точнее, сим-

вольного представления изменений частоты основного тона высказывания.

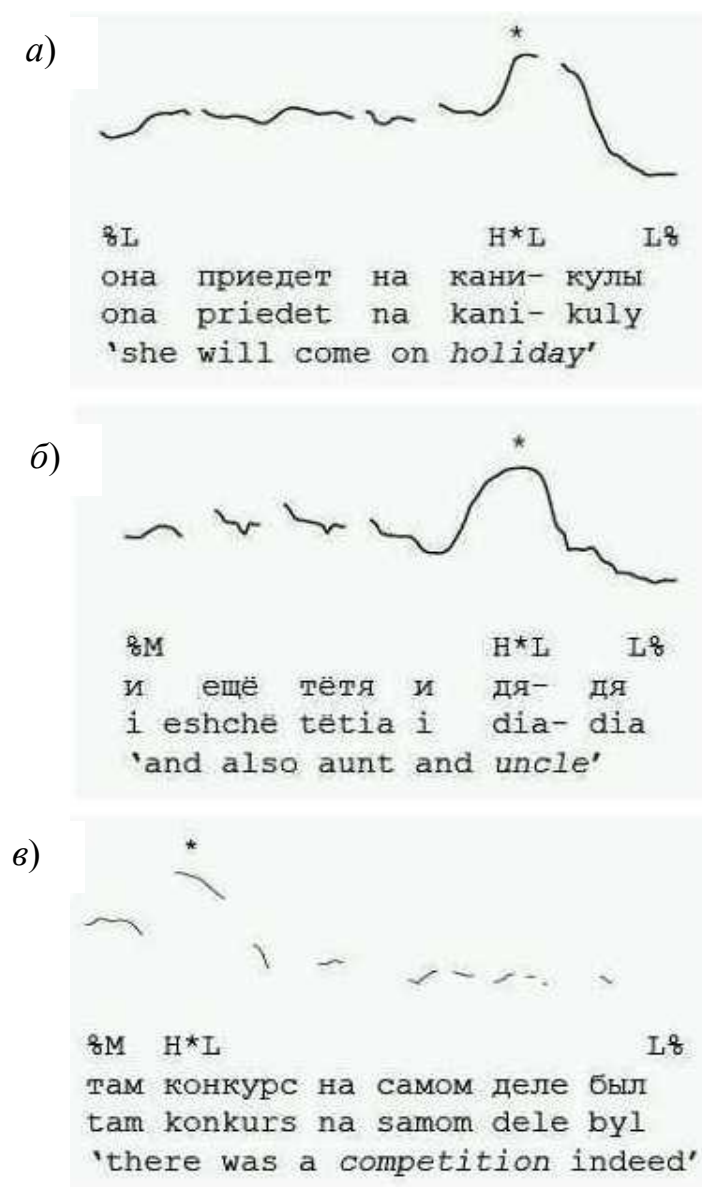


Рис. 1. Примеры аннотирования тональных контуров по [4]:
а – общий вопрос; б – незавершенность; в – эмфаза

Система, предложенная С. Оде [4], опирается на подходы авто-сегментной фонологии и в ней используется тот же символичный аппарат для описания изменений частоты основного тона. При этом анализируются вычлененные из звучащего текста синтагмы с известным заранее коммуникативным типом и позицией акцентно выделенного слова, а транскрипция отражает не столько текущие

мелодические изменения, сколько особенности целостного мелодического контура (рис. 1). Как следует из приведенных на рисунке графиков, интонационная транскрипция синтагм разного коммуникативного типа оказывается одинаковой. Получается, что делающий транскрипцию эксперт в состоянии однозначно описать мелодический контур в предлагаемых системой символах, поскольку является носителем языка и адекватно определяет коммуникативный тип высказывания на слух, но другой носитель языка не сможет по имеющейся транскрипции точно установить коммуникативный тип высказывания. И тем более не сможет воспроизвести соответствующие мелодические изменения, поскольку подобная транскрипция лишена каких-либо количественных характеристик.

Очевидно, что предлагаемая С. Оде система транскрипции едва ли годится для использования в функциональной модели процесса восприятия речи, когда ставится задача оценить коммуникативный тип высказывания по имеющемуся транскрипционному описанию изменений частоты основного тона высказывания, как это делает слушатель в условиях естественного речевого общения.

Авторы другой системы [3] считают, что тем или иным способом должны маркироваться **любые** изменения частоты основного тона и что «...тональные акценты не всегда привязаны к ударному слогу; кроме того, тональных акцентов в слове может быть более одного» [3, с. 146]. Ниже приведен образчик просодической разметки, выполненной в соответствии с предложенной системой, где в словосочетании «из подъезда», по мнению авторов, наблюдается три тональных акцента [3, с. 147].

17.1 12. ... (0.5) потом .. (0.2) *в-вы/шел .. (0.1) ээ (0.2)
'и́з подъезда,

Достаточно странное само по себе утверждение, но вдобавок авторы не принимают во внимание обстоятельств, связанных с процессами речеобразования и функционированием слуховой системы.

Известно, что помимо тональных изменений, задаваемых программой порождения высказывания, а именно они являются коммуникативно значимыми, в речевом сигнале наблюдаются измене-

ния частоты основного тона, определяемые спецификой поведения артикуляторов при произнесении конкретных звуков [9]. Более того, аэродинамические процессы в речевом тракте таковы, что лингвистически значимые изменения частоты основного тона можно наблюдать только на участках гласных [1]. Существуют также ограничения, связанные со свойствами слуховой системы человека: слушатель не обнаруживает изменений уровня основного тона меньше 1,5–3 полутонов [9] и скорости изменения (*glissando*), меньшей, чем $G = 0,16/T^2$ полутонов в секунду, где T – длительность интервала изменения в секундах [7].

На рис. 2 приведены результаты анализа (динамическая спектрограмма и мелодический контур) высказывания «из подъезда» (диктор 034z, запись с компакт-диска в приложении к [5]). Там же приведен мелодический контур на отрезках гласных с учетом описанных выше ограничений, связанных с процессами в речевом тракте. Наблюдаемые изменения частоты основного тона количественно не превосходят приведенных выше порогов восприятия тональных изменений слуховой системой человека.

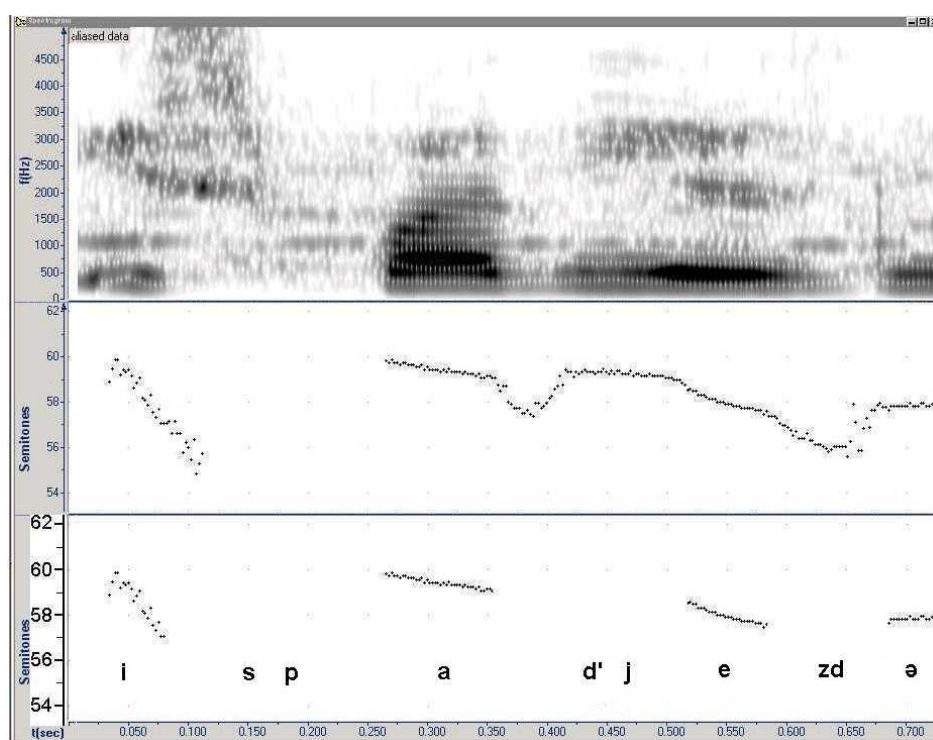


Рис. 2. Результаты анализа словосочетания «из подъезда».

Объяснения в тексте

В анализируемом словосочетании все тональные изменения сами авторы маркируют как малые, составляющие, по их оценкам, треть октавы [3, с. 146], т.е. четыре полутона, поскольку в октаве 12 полутонов. Из графика изменений частоты основного тона на соответствующих гласных следует, что они не превышают трех полутонов и, следовательно, даже в принятой авторами системе не могут быть признаны в качестве тональных акцентов. Другими словами, надо признать, что данное словосочетание было произнесено монотонно, т.е. без какого-либо тонального выделения.

Отметим также, что в их системе никак не маркирован уровень частоты основного тона, от которого измеряется каждое его снижение (повышение), и это дает основание предполагать, что каждое следующее снижение происходит от уровня, достигнутого на предшествующем интервале измерения. В результате предложенная разметка допускает, что от начала к концу анализируемого словосочетания произойдет снижение частоты основного тона на целую октаву (три малых тональных акцента по трети октавы каждый). Совершенно очевидно, что ничего подобного в действительности не происходит.

Очевидно, предлагаемая система не позволяет установить коммуникативный тип конкретного высказывания. Кроме того, предлагаемый набор символов для аннотирования изменений частоты основного тона не слишком удобен для компьютерной обработки.

В этом отношении более привлекательна система, предложенная П. Мертенсом [8]. В качестве просодических признаков в ней предусмотрено маркирование уровней частоты основного тона (низкий, средний или высокий) и ее движения (снижения или повышения) именно на участках гласных, причем для движения предусмотрены две градации. В качестве символов используются буквы латинского алфавита (рис. 3). При этом учитывается характерный для конкретного диктора диапазон изменений частоты основного тона (повышение до высшего – **Top** – или снижение до низшего – **Bottom**).

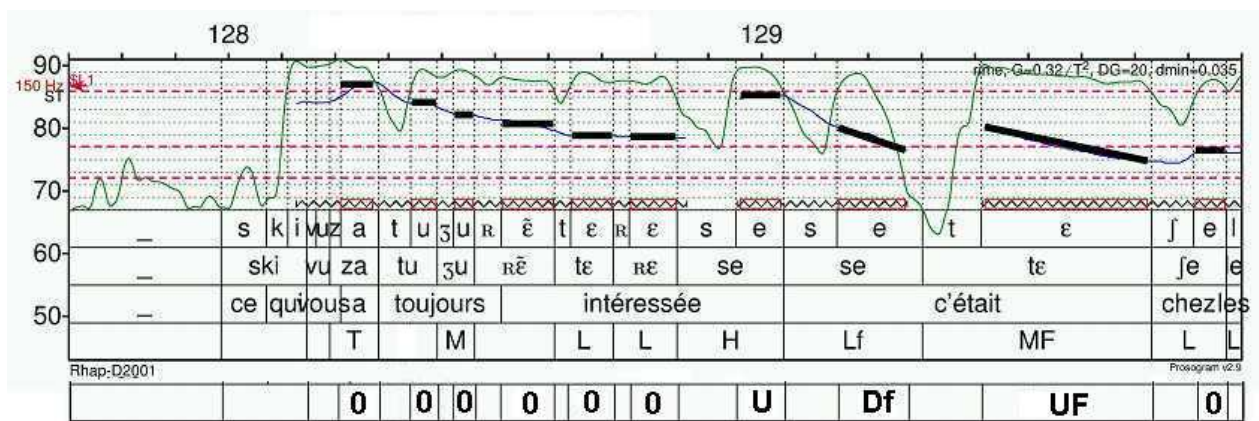


Рис. 3. Кусочно-линейная аппроксимация и фонологическая аннотация мелодического контура по [8] (вверху) и предполагаемая «перцептивная» аннотация (внизу). Объяснения в тексте

В целом такая система представляется подходящей для экспертного фонетико-фонологического описания процесса порождения мелодического контура высказывания, когда эксперту-исследователю доступны информация о диапазоне изменений частоты основного тона данного диктора и полная картина мелодического контура анализируемого высказывания.

При восприятии речи слушатель априори не знает регистровых характеристик собеседника (диктора), а ограниченный объем иконической памяти, в которой могли бы храниться результаты текущего измерения частоты основного тона, не позволяет хранить и анализировать параметры целостного тонального контура высказывания. Можно предположить, что система восприятия речи анализирует мелодические изменения на соседних слогах (гласных) и с учетом порогов восприятия фиксирует наличие или отсутствие изменения, его характер (скачок вверх (U) или вниз (D) на величину, превышающую порог восприятия, или плавное движение), его направление и величину, маркируя таким образом тонально выделенный слог (гласный). В нижней части рис. 3 приведен пример такой (перцептивной) аннотации, в которой гласные, не отличающиеся от соседей по параметрам основного тона, маркируются нулем.

Коммуникативный тип высказывания при таком подходе может определяться по результатам анализа последовательности таких то-

нально выделенных слогов, и пример такого выделения отчетливо виден на рис. 3.

Следует заключить, что ни одна из рассмотренных систем аннотирования тональных контуров не дает адекватного описания мелодических изменений в речевом сигнале, подобно тому, как это делает фонетическая транскрипция на сегментном уровне. Для целей функционального моделирования процесса восприятия речи придется создавать новую систему транскрибирования тональных изменений в речевом сигнале.

Литература

1. Венцов А.В. Физиология речеобразования и просодическое аннотирование корпусов // Фонетика сегодня: Материалы докладов и сообщений VI Международной научной конференции 8–10 октября 2010 года. – М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2010. – С. 22–24.
2. Венцов А.В., Слепокурова Н.А., Риехакайнен Е.И., Апушкина И.Е., Корешкова Е.И. Из опыта работы с русской спонтанной речью: создание фонетически транскрибированных текстов // X выездная школа-семинар «Проблемы порождения и восприятия речи»: Материалы. – Череповец: ГОУ ВПО «Череповецкий государственный университет», 2011. – С. 169–179.
3. Кибрик А.А., Кодзасов С.В., Худякова М.В. Просодическая транскрипция: уровни детализации // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 8 (15). – М.: РГГУ, 2009. – С. 143–148.
4. Оде С. Транскрипция русской интонации ToRI // Мир русского слова и русское слово в мире: Материалы XI Конгресса Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы. Варна, 17–23 сентября 2007 г. – Т. 6 (2). – Sofia: Heron Press, 2007. – С. 119–225.
5. Рассказы о сновидениях. Корпусное исследование устного русского дискурса / Под ред. А.А. Кибрика, В.И. Подлесской. – М.: Языки славянских культур, 2009. – 736 с.
6. Чистович Л.А., Венцов А.В., Гранстрем М.П. и др. Физиология речи. Восприятие речи человеком / Отв. ред. Л.А. Чистович. – Л.: Наука, 1976. – 388 с.
7. Alessandro C. d', Mertens P. Automatic pitch contour stylization using a model of tonal perception // Computer Speech and Language. – 1995. – Vol. 9. – № 3. – P. 257–288.

8. *Mertens P.* Transcription of tonal aspects in speech and a system for automatic tonal annotation // Advancing Prosodic Transcription Workshop at Laboratory Phonology 2012. – Stuttgart, 29 July 2012.

9. *Nooteboom S.* The prosody of speech: melody and rhythm // The Handbook of Phonetic Sciences / W. J. Hardcastle and J. Laver (eds.). – Oxford: Basil Blackwell Limited, 1997. – P. 640–673.

А.В. Горушкина

Череповецкий государственный университет

МОРФЕМНАЯ ОМОНИМИЯ И ПОЛИСЕМИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ КАК ИСТОЧНИК ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ

(на материале «Этимологического словаря» Б.Ю. Нормана)

Человеческому сознанию издавна присуще понимание жизни и действительности как игры. Среди огромного разнообразия игр особое место занимает языковая игра. Б.Ю. Норман предлагает следующее определение этому явлению: «Языковая игра – это нетрадиционное, неканоническое использование языка, это творчество в языке, это ориентация на скрытые эстетические возможности языкового знака» [5, с. 168].

Языковая игра связана с активностью языковой личности и ее способностью творчески использовать языковые знания. Понимание языковой игры невозможно вне креативной деятельности, так как:

1) способность субъекта к яркому, необычному, эффективному употреблению слова всегда вторична по отношению к знанию языковой системы и владению ее нормативными связями;

2) «игровой» момент в речевом общении может появиться лишь тогда, когда говорящий осуществляет целенаправленный поиск приемов разрушения конвенциональных языковых структур и связанных с ними стереотипов речевого восприятия;

3) языковая игра всегда адресна: будучи целенаправленной и продуманной именно как эффективный вариант языкового упот-

ребления, она не может состояться как таковая без понимания ее адресатом;

4) языковая игра всегда направлена на создание в языковой структуре нового смысла, незнакомого ранее читателю или слушателю.

В современной лингвистике существует множество работ, посвященных различным аспектам феномена языковой игры, среди которых, прежде всего, следует назвать труды Н.Д. Арутюновой, Е.А. Земской, Т.А. Гридиной, И.Б. Иткина, Б.Ю. Нормана, В.З. Санникова. Важно, что «изучение этого "несерьезного" материала может натолкнуть лингвиста на серьезные размышления, на новые нетривиальные наблюдения и обобщения при изучении самых разных уровней языка» [7, с. 28].

Цель нашей работы заключалась в изучении словообразовательного потенциала русского языка на примере языковой игры. Материалом исследования послужил «Этимологический словарь» (далее «ЭС»), составленный Б.Ю. Норманом и опубликованный в его книге «Игра на гранях языка» [4]. «ЭС», как отмечает автор, представляет собой разновидность лингвистических игр наряду с другими языковыми забавами, в основе которых лежит анализ и синтез формальной и содержательной сторон слова.

Содержание «ЭС», с одной стороны, является авторским словотворчеством, но, с другой стороны, «этимологизирование» тесно связано с ассоциативным словарем, который отражает всю систему смысловых связей, которыми слово в сознании человека связано с другими словами. Представленные толкования отражают словообразовательные модели в сознании человека, который опирается на практический – личный и коллективный – опыт. Именно в этом заключается особая ценность «ЭС» для лингвиста: «этимологии» позволяют проследить словообразовательные процессы языка, задуматься о природе слов, близких по своей форме. «ЭС» ранее уже являлся объектом изучения: так, он подвергался анализу с точки зрения организации и функционирования системы словарных помет, а также изучался на предмет участия глаголов в образовании «этимологий» (см., например, [3]).

В ходе достижения поставленной цели решались следующие задачи:

1) изучить литературу, посвященную языковой игре в целом и средствам создания языковой игры, построенной на словообразовательном потенциале русского языка, в частности;

2) проанализировать состав словника «ЭС» с точки зрения морфемной и словообразовательной структуры входящих в него слов;

3) провести частотный анализ основных моделей представленных слов с учетом типа обыгрывания их морфемной и словообразовательной структуры.

В результате проведенного анализа мы пришли к выводу, что все словарные единицы условно можно разделить на три группы.

1. Слова, которые в современном русском языке имеют неприводную основу, а в «ЭС» – производную. Например, слово *бульвар* толкуется в словаре как ‘бульон, доведенный до кипения’. При таком толковании как морфемная, так и словообразовательная структура слова *бульон* в «ЭС», с одной стороны, и в современном русском языке, с другой, не совпадают. (По нашим подсчетам, в «ЭС» представлено 225 единиц такого рода, это составляет $\approx 10\%$ от всего словника).

2. Слова, которые и в современном русском языке, и в «ЭС» имеют производную основу, но членятся по-разному. Например, *арифметика* – ‘белый стих’. В данном случае мы вновь наблюдаем несовпадение как морфемной, так и словообразовательной структуры. (Всего в словаре представлено 916 единиц такого типа, что составляет $\approx 42\%$ словника).

3. Слова, морфемное членение которых в современном русском языке и в «ЭС» совпадает, но при этом морфемы имеют разное значение. Например, *бракодел* – ‘работник ЗАГСа’. (Всего третья группа включает 985 слов, что составляет $\approx 45\%$ словника.)

В настоящей статье мы более подробно рассмотрим последнюю группу слов. Языковая игра в данном случае построена на таких системных явлениях, как морфемная омонимия и полисемия.

Омонимичными можно считать те морфемы, значения которых не совпадают, в то время как их звуковая оболочка совпадает. Так,

например, слово *бездарь* в «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой имеет значение ‘ни к чему не способный, лишенный таланта человек’ [6], то есть человек без какого-либо дарования. В «ЭС» слово *бездарь* трактуется как ‘гость без подарка’. Морфемная структура слова остается прежней (префикс *без-* со значением отсутствия какого-либо признака и корень *дар*), но вследствие изменения внутренней формы слова *бездарь*, где *дар* определяется как ‘подарок, приношение, пожертвование’, меняется и значение слова в целом.

Полисемичными являются морфемы, имеющие несколько значений, объединенных наличием общих сем. К примеру, в «Новом толково-словообразовательном словаре русского языка» Т.Ф. Ефремовой [1] слово *выхлоп* имеет два значения: 1) ‘выход отработанных газов из цилиндра двигателя внутреннего сгорания после рабочего хода поршня’; 2) ‘звук, возникающий в процессе такого действия’. Таким образом, слово *выхлоп* имеет следующее морфемное членение: префикс *вы-* и корень *хлоп*.

В словаре Нормана слово толкуется иначе: ‘единичный аплодисмент’. Такая интерпретация возможна благодаря многозначности глагола «хлопать»: 1) ‘производить резкие звуки, ударяя чем-н.’; 2) ‘рукоплескать, аплодировать’), а следовательно, и многозначности корневой морфемы *хлоп*. Судя по толкованию, обыгрываемая лексема *выхлоп* сохраняет исходное морфемное членение.

В ходе исследования «Этимологического словаря» мы обнаружили, что языковая игра может возникнуть за счет омонимии и полисемии не только корневой, но и аффиксальной морфемы. Опираясь на данные «Толкового словаря словообразовательных единиц русского языка» Т.Ф. Ефремовой [2], мы выяснили, что 30 % префиксов, встречающихся в словах, вошедших в словник «ЭС», многозначны, 62 % префиксов имеют омонимы; 40 % суффиксов многозначны, 70 % суффиксов имеют омонимы. Произведя соответствующие подсчеты, мы пришли к выводу, что морфемы, часто используемые в обыгрывании слов, вошедших в словник «ЭС», имеют наибольшее число омонимов. Так, наиболее распространенными являются приставки: *по-* (например, *погодки* – ‘осадки’, *поребрик* –

‘удар в боксе’; всего в «ЭС» встретилось 36 слов с приставкой *по-*, 7 омонимов); *на-* (например, *напарник* – ‘крышка на чайнике’, *наличник* – ‘намордник’; всего 27 случаев употребления, 7 омонимов); суффиксы: *-к-* (например, *беседка* – ‘небольшой нравоучительный разговор’, *соска* – ‘радиограмма о помощи’; всего 105 случаев употребления, 16 омонимов); *-н-* (например, *вербный* – ‘глагольный’, *хлебнуть* – ‘вкусить хлеба’; всего 48 случаев употребления, 12 омонимов).

Реже встречаются приставка *а-* (1 употребление, омонимов нет): *аритмия* – ‘верлибр’; суффиксы: *-тин-* (1 употребление, омонимов нет): *отсебятина* – ‘дверь, открывающаяся наружу’, *-тор-* (1 употребление, омонимов нет): *диктатор* – ‘учитель, проводящий диктант’. Полученные результаты позволяют сделать вывод, что количество «энтимологий», основанных на омонимии, превышает количество «энтимологий», в основу которых положена многозначность морфем.

Особого внимания заслуживает небольшая группа слов, у которых «энтимология» практически равна этимологическому значению. Всего к данной подгруппе можно отнести 25 единиц. Так, например, слово *коварство* в словаре Нормана толкуется как ‘кузнечное ремесло’. Но, по М. Фасмеру [8], оно восходит к слову «коварный» и далее – к ‘коварь, кузнец’. *Мытарство* в «ЭС» имеет значение ‘прохождение таможенного контроля’, однако первоначальное толкование слова *мытарь* – ‘таможенник, взиматель пошлины на ввоз’.

Таким образом, в примерах такого рода мы наблюдаем сближение этимологического и «энтимологического» значения. Это явление можно объяснить тем, что в ходе истории языка у слов изменяется лексическая семантика, происходят процессы деэтимологизации, переразложения основ. В результате этих процессов значение слова в современном русском языке расходится с первоначальным значением настолько, что сознательное сближение этих значений (как мы могли видеть это на примере обыгрывания слов *коварство* и *мытарство*) вызывает комический эффект.

В целом же наше исследование показало, что современный русский язык обладает богатым словообразовательным потенциалом и этот потенциал может быть объектом языковой игры.

Литература

1. *Ефремова Т.Ф.* Новый толково-словообразовательный словарь русского языка. – М.: Русский язык, 2000.
2. *Ефремова Т.Ф.* Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка. – М.: Русский язык, 1996.
3. *Иткин И.Б.* Словарные пометы и языковая игра // Филологические науки. – 1994. – № 2. – С. 100–107.
4. *Норман Б.Ю.* Игра на гранях языка. – М.: Флинта: Наука, 2006.
5. *Норман Б.Ю.* Язык: знакомый незнакомец. – Минск, 1987.
6. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. – М.: Азъ, 1992.
7. *Санников В.З.* Лингвистический эксперимент и языковая игра // Вестник Московского университета. Сер. 9 (Филология). – 1994. – № 6.
8. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Пер. с нем. О.Н. Трубачева. – М., 1964–1973.

Е.В. Грудева, Ю.С. Сумарокова
Череповецкий государственный университет

УРОКИ ГЕОГРАФИИ, ИЛИ ЧТО МЫ ЗНАЕМ О ГОРОДАХ РОССИИ (на материале ассоциативного эксперимента)

Как известно, ассоциативный эксперимент как метод появился в психологии, но позднее его стали широко использовать в лингвистике, социологии и других гуманитарных науках. Результаты ассоциативного эксперимента могут многое рассказать как о знании носителя языка о той или иной реалии, так и о его личном отношении к ней.

В ассоциативных экспериментах, которые проводятся с лингвистическими целями, стимулами обычно являются имена нарицательные. Конечно, всё зависит от цели, которую преследует исследователь, прибегая к методу ассоциативного эксперимента. По замечанию Р.М. Фрумкиной, «ассоциативные процессы изучаются более ста лет, и за это время методика ассоциативного эксперимента осталась почти той же. Зато существенно менялись цели изучения ассоциативных процессов» [5, с. 191]. В нашей работе речь пойдет об ассоциативном эксперименте, в котором в качестве стимулов были предъявлены имена собственные, а именно названия известных городов России. В последнее время ассоциативные эксперименты, в которых в качестве стимульного материала избираются топонимы разного рода, проводятся, как правило, с целью изучения содержания соответствующих концептов (см., например: [1], [2]).

Поводом к данной работе послужило знакомство с рубрикой «Смысловая география» в журнале «Фома». «Фома» – это ежемесячное культурно-просветительское издание, «православный журнал для сомневающих» (именно так он позиционирует себя), выходящий под патронажем МГИМО с 1996 года (интернет-версию журнала см. на сайте <http://www.foma.ru/>). В рубрике «Смысловая география», как правило, представлен какой-то регион России с центральным городом; здесь рассказывается об истории региона, о его достопримечательностях, в том числе о православных святынях. Часто в рубрике «Смысловая география» бывают представлены результаты социологического опроса россиян, проведенные авторитетными агентствами (такими, например, как Исследовательский центр портала SuperJob.ru, Центр маркетинговых и социологических исследований (ЦМиСИ)) на тему: «С чем у Вас ассоциируется такой-то город».

Мы решили провести ассоциативный эксперимент с жителями Череповца (в данном случае – со студентами ЧГУ). В качестве стимулов были предложены названия известных русских городов, в том числе *Вологда* и *Череповец*. Основная цель нашей работы заключалась в том, чтобы изучить ассоциативные связи имен собственных – названий русских городов и на основании этого сделать вывод о том, что знает молодой череповчанин о крупных

городах России, расположенных в разных регионах страны. Такого рода эксперимент, по нашему мнению, может показать, насколько хорошо знакомы наши современники и земляки с Россией хотя бы на уровне знания географии, истории и культуры.

В сопоставительных целях использовались данные «Русского ассоциативного словаря» (далее – РАС) [4], которые отражают знания и взгляды среднестатистического россиянина. Составители РАС отмечают, что человек живет в мире имен, названий, фраз и целых текстов. Собственные имена, присвоенные окружающим нас единичным объектам и явлениям, делают этот изменчивый и непостоянный мир устойчивым и стабильным, создают иллюзию знания и владения им: если название нам известно, то и явление, носящее это имя, представляется знакомым. Одновременно знание имен собственных есть неотъемлемая часть знания языка, а значит, входит в содержание языковой способности человека.

В РАС имена собственные представлены достаточно широко. Как известно, лингвистическая база данных «Русский ассоциативный словарь» имеет два разных входа: от стимула к реакциям (прямой поиск) и от реакции к стимулам, вызвавшим данную реакцию (обратный поиск). РАС построен на материале широкомасштабного ассоциативного эксперимента, проведенного последовательно в три этапа. Если на первом этапе в качестве слов-стимулов предъявлялись исключительно нарицательные имена, то уже на втором (а также и на третьем) этапе в числе стимулов появились имена собственные. Как отмечают составители РАС, «список стимулов второго этапа получен в результате анализа реакций первого, из почти 50 тысяч различных реакций выбраны те слова, которые встречались чаще других» [3, с. 5]. Таким образом, определенные имена собственные появились в качестве стимулов на втором и третьем этапах эксперимента потому, что они достаточно часто встречались в качестве реакций на другие стимулы на первом этапе эксперимента.

Что касается непосредственно топонимов – названий городов, то в РАС нами обнаружены следующие астионимы: *Великий Новгород, Ленинград, Москва, Новгород, Нью-Йорк, Омск, Прага,*

Рим, Санкт-Петербург, Чернобыль. Как видим, названия русских городов в стимульной части РАС представлены двумя столицами – *Москва* и *Санкт-Петербург* (в том числе и с советским названием – *Ленинград*), двумя вариантами Новгорода – *Новгород* и *Великий Новгород*, сибирским городом *Омск*, а также древним городом *Чернобылем*, расположенным в Киевской области Украины, где в 1986 году произошла крупнейшая авария на атомной станции.

При прямом поиске словарная статья имеет следующую структуру: заголовочное слово-стимул, затем слова-ассоциаты (т.е. слова, полученные в качестве реакций на заданный стимул), расположенные в порядке убывания их частоты встречаемости в ответах испытуемых (слова, встретившиеся одинаковое число раз, расположены по алфавиту). Словарную статью предваряет «статистика по запросу», в которую вошли следующие данные: «всего реакций на стимул»; «различных реакций на стимул»; «одиночных реакций на стимул»; «отказов».

Рассмотрим несколько словарных статей из РАС, в которых в качестве заголовочного слова выступают астионимы (в данном случае – названия двух центральных городов России). Обратимся к названию столицы России – слову *Москва*.

Реакции на стимул **Москва** – *столица* (29); *город* (12); *Кремль* (7), *слезам не верит* (7); *река* (4); *большая* (2), *златоглавая* (2), *моя* (2), *первопрестольная* (2); *9 миллионов* (1), *Detroit* (1), *большая деревня* (1), *Вашингтон* (1), *вокзал* (1), *город 5 портов* (1), *город-герой* (1), *грязная* (1), *грязь* (1), *дождь* (1), *дыра* (1), *златоглавая* (1), *Красная площадь* (1), *Ленин* (1), *Ленинград* (1), *люди* (1), *наша* (1), *не остаться* (1), *не покорима* (1), *Нью-Йорк* (1), *ого-го* (1), *Омск* (1), *опустела* (1), *Париж* (1), *помойка* (1), *принимает гостей* (1), *пустая* (1), *родная* (1), *рутина* (1), *Санкт-Петербург* (1), *сарай* (1), *столица нашей родины* (1), *столица СССР* (1), *суета* (1), *улица* (1), *это все* (1).

Всего реакций на стимул: **105**, различных реакций на стимул: **46**, одиночных реакций на стимул: **36**, отказов: **2**.

Как видим, на первом месте по частоте встречаемости находится слово *столица* (29), указывающее на статус города; на втором

месте – слово *город* (12), отсылающее к родовому понятию. Далее следует название одного из символов государственной власти – *Кремль* (7), об этом свидетельствует написание слова с прописной буквы.

Москва ассоциируется с названиями других городов: *Вашингтон* (1), *Ленинград* (1), *Нью-Йорк* (1), *Омск* (1), *Париж* (1), *Санкт-Петербург* (1). Москва – это не только город, но и *река* (4). Носители русского языка в своих реакциях показали знание о статусе Москвы: *столица нашей родины* (1), *столица СССР* (1), *город-герой* (1), *город пяти портов* (1); о ее населении: *9 миллионов* (1).

Имя собственное *Москва* достаточно часто фигурирует в прецедентных текстах, и в числе реакций обнаруживаются указания на эти прецедентные тексты: *слезам не верит* (7), *златоглавая* (2), *первопрестольная* (2).

В ответах испытуемых достаточно много субъективно-оценочных реакций, причем с преобладанием негативных эмоций: *большая деревня* (1), *грязная* (1), *грязь* (1), *дыра* (1), *помойка* (1), *пустая* (1), *рутина* (1), *сарай* (1), *суета* (1).

Обратимся к словарной статье, заголовочным словом которой является название исторически другой столицы России – *Санкт-Петербург*. (Как уже ранее отмечалось, в РАС представлены статьи с разными названиями этого города – и с названием *Санкт-Петербург*, и с названием *Ленинград*.) **Санкт-Петербург** – *город* (27); *Ленинград* (12); *Москва* (5); *красивый* (4); *Нева* (3), *Петр I* (3); *город-герой* (2), *город на Неве* (2), *красивый город* (2), *Питер* (2), *Пушкин* (2), *родина* (2), *Эрмитаж* (2); *5-й канал* (1), *Аврора* (1), *величие* (1), *город на болоте* (1), *град Петров* (1), *группа* (1), *Дворцовая площадь* (1), *живу* (1), *Зимний дворец* (1), *каменный* (1), *лошадь* (1), *лужи* (1), *лучший* (1), *мост* (1), *набережная* (1), *новый* (1), *Нью-Йорк* (1), *океан* (1), *окно в Европу* (1), *Пермь* (1), *Петергоф* (1), *Петр I=город на Неве* (1), *Петра творенье* (1), *Петродворец* (1), *Петропавловская крепость* (1), *полонез* (1), *прекрасен* (1), *родной* (1), *Россия* (1), *снег* (1), *Собчак* (1), *спорт* (1), *стоит* (1), *столица* (1), *сырое* (1), *центр* (1), *шпиль* (1).

Всего реакций на стимул: **105**, различных реакций на стимул: **50**, одиночных реакций на стимул: **37**, отказов: **0**.

Так же, как и в случае с *Москвой*, на первом месте по частоте встречаемости находится название, отсылающее к родовому понятию, – *город* (27), затем следует советское название города – *Ленинград* (12). Санкт-Петербург ассоциируется с *Москвой* (5) как конкурирующей столицей. Санкт-Петербург расположен на реке Неве, это знание находит отражение в таких реакциях, как: *Нева* (3), *город на Неве* (2). Конечно, носители русского языка помнят и основателя города – *Петр I* (3).

Ассоциативное поле с центральной номинацией *Санкт-Петербург* включает в себя достаточно много названий городских и пригородных реалий: *Эрмитаж* (2), *Аврора* (1), *Дворцовая площадь* (1), *Зимний дворец* (1), *лошадь* (1), *мост* (1), *набережная* (1), *Петергоф* (1), *Петродворец* (1), *Петропавловская крепость* (1).

Санкт-Петербург вызывает в памяти такие прецедентные тексты, как *окно в Европу* (1), *град Петров* (1), *Петра творенье* (1).

Что касается субъективно-оценочных реакций, то Санкт-Петербург (в отличие от Москвы) вызывает по большей части положительные эмоции: *красивый* (4), *красивый город* (2), *величие* (1), *лучший* (1), *прекрасен* (1), *родной* (1).

Обратимся к реакциям, полученным на стимул *Ленинград*. *Ленинград* – *город* (19); *Петербург* (7); *Нева* (6); *Москва* (5); *город-герой* (4), *Петр I* (4), *С.-Петербург* (4); *Санкт-Петербург* (3), *шпиль* (3); *был* (2), *герой* (2), *красивый* (2), *Питер* (2); *армия* (1), *блокада* (1), *блокадный* (1), *большой* (1), *большой город* (1), *Волга* (1), *город Ленина* (1), *город мечты* (1), *город на севере* (1), *город-музей* (1), *дворец* (1), *колыбель революции* (1), *корабль* (1), *красиво* (1), *красота* (1), *Ленин* (1), *Ленинград* (1), *любимый* (1), *любимый город* (1), *мосты* (1), *музей* (1), *нет такого слова* (1), *нету* (1), *переименован* (1), *переименовать* (1), *Петроград* (1), *Петродворец* (1), *победоносный* (1), *поездка* (1), *поехать* (1), *порт* (1), *прошло* (1), *пурга* (1), *символ* (1), *Собчак* (1), *старый* (1), *столица* (1), *тусовка* (1).

Всего реакций на стимул: **102**, различных реакций на стимул: **52**, одиночных реакций на стимул: **38**, отказов: **1**.

Реакции на стимул *Ленинград*, с одной стороны, совпадают с реакциями, полученными на стимул *Санкт-Петербург* (*город, Нева, Москва, Петродворец*), а с другой стороны, именно название *Ленинград* ассоциируется с революционными событиями, с блокадой во время Великой Отечественной войны, о чем свидетельствуют такие реакции, как: *армия* (1), *блокада* (1), *блокадный* (1), *город Ленина* (1), *колыбель революции* (1), *Петроград* (1), *победоносный* (1).

Подводя итоги изучению данных РАС, можем отметить, что эти данные отражают достаточно хорошие знания современных носителей русского языка о крупнейших городах России: испытуемые знают об их географическом положении, об их статусе; о лицах, связанных с данным городом; о городских достопримечательностях. Если Москва вызывает преимущественно негативные эмоции, то Санкт-Петербург, наоборот, ассоциируется в сознании наших современников с красивым и величественным городом.

Перейдем к результатам проведенного нами эксперимента. Свободный ассоциативный эксперимент проводился в письменно-письменной форме. В анкету были включены 9 слов-стимулов: *Астрахань, Белгород, Вологда, Екатеринбург, Калининград, Москва, Санкт-Петербург, Тюмень, Череповец*. Мы выбрали, во-первых, два столичных города (*Москва* и *Санкт-Петербург*); во-вторых, *Череповец* и *Вологду* как названия тех мест, где живут участники нашего эксперимента, а также по возможности старались представить крупнейшие города из разных регионов России. Выбор указанных городов объяснялся еще и тем, что они были представлены в рубрике «Смысловая география» в журнале «Фома».

Испытуемые должны были записать на каждый стимул по три слова, которые первыми придут им в голову. Инструкция звучала следующим образом: «Напишите 3 слова, которые первыми приходят вам в голову при чтении каждого из приведенных ниже слов. Например, **Севастополь** – *город-герой, акации, моряки*».

В качестве испытуемых выступили студенты Череповецкого государственного университета гуманитарных (41), естественнонаучных (13) и технических (11) направлений. Общее число испытуемых – 65 человек. Эксперимент проводился в 2011/2012 учебном году.

Обратимся к результатам эксперимента. Всего в ходе эксперимента было получено 1329 реакций на 9 стимулов. Прежде всего мы посчитали общее число реакций, полученных на каждый стимул; число разных реакций на каждый стимул, а также число отказов от ответа (в качестве отказа считался случай отсутствия каждой из трех необходимых для заполнения на заданный стимул реакций). Сводные данные по этим параметрам представлены в таблице.

Таблица

Результаты эксперимента: общие статистические сведения

Астионим	Всего ответов	Всего разных ответов	Отказы от ответов
Астрахань	141	68	54
Белгород	127	82	68
Вологда	162	111	33
Екатеринбург	148	77	47
Калининград	134	85	61
Москва	173	78	22
Санкт-Петербург	174	92	21
Тюмень	119	62	76
Череповец	151	98	44
Всего	1329	753	426

Как видим, больше всего реакций получено на стимулы *Санкт-Петербург* (174) и *Москва* (173); затем с небольшим отрывом следуют *Вологда* (162) и *Череповец* (151). Судя по числу реакций, именно данные города достаточно хорошо известны испытуемым, что вполне понятно. Москва и Санкт-Петербург – крупнейшие города России, в разное время бывшие столицами нашего Отечества,

а потому представляющие интерес сами по себе. Вологда и Череповец – названия городов, с которыми так или иначе связана жизнь студентов ЧГУ. Хуже всего (если судить по числу реакций) молодые череповчане знакомы с такими русскими городами, как *Белгород* (127) и *Тюмень* (119).

Степень разнообразия ответов можно оценить, подсчитав, сколько разных реакций получено на каждый стимул. Критерий «степень разнообразия ответов» может показать, насколько стереотипны или, наоборот, субъективны представления респондентов о тех или иных городах. Так, если обратиться к графе «Всего разных ответов», то можно заметить, что больше всего разных реакций вызвала *Вологда* (111), второе и третье место в этом отношении занимают *Череповец* (98) и *Санкт-Петербург* (92). Тот факт, что по критерию «степень разнообразия ответов» верхушку занимают *Вологда* и *Череповец*, может быть объяснен высокой степенью субъективности в отношении к своему месту жительства со стороны испытуемых. Достаточно высокое значение, полученное в отношении стимула *Санкт-Петербург* по критерию «степень разнообразия ответов», может свидетельствовать о хорошем знакомстве с этим городом, а также об очень личном отношении к нему. (Хорошее знание городских и пригородных реалий, а также преобладание положительных оценок в отношении Санкт-Петербурга мы уже отмечали, анализируя данные РАС.) Самые низкие значения по критерию «степень разнообразия ответов» обнаружились на стимулы *Астрахань* (68) и *Тюмень* (62). Это города, географически достаточно далеко отстоящие от Череповца.

Стимул *Тюмень* лидирует и по количеству отказов – 76. За *Тюменью* по этому критерию следуют *Белгород* (68) и *Калининград* (61). Наоборот, меньше всего отказов дали столичные города – *Москва* (22) и *Санкт-Петербург* (21).

Перейдем к качественному анализу реакций, для того чтобы выяснить, что же знают об указанных городах студенты ЧГУ. Прежде всего, как и в случае с РАС, обратимся к данным, полученным в отношении двух столичных городов – Москвы и Санкт-Петербурга.

Реакции на стимул **Москва** – столица (29); Кремль (23); Красная площадь (20); Останкино (8); пробки (6); метро (4), столица России (4), шум (4); гастарбайтеры (2), жизнь (2), красота (2), магазины (2), площадь (2), шоу-бизнес (2); Арбат (1), большая (1), большая деревня (1), большой город (1), взятки (1), вокзал (1), Волга (1), гламур (1), г..но (1), город-герой (1), движение (1), деньги (1), дорогие квартиры (1), дорого (1), звезда (1), златоглавая (1), злые люди (1), клуб (1), клубы (1), Кольцевая (1), красный (1), купола (1), Ленин (1), Лужков (1), Лужники (1), любовь (1), Мавзолей (1), Макдональдс (1), МГУ (1), мегаполис (1), МКАД (1), много людей (1), многолюдно (1), много народу (1), монетный двор (1), монорельс (1), море (1), музеи (1), Наполеон (1), небоскреб (1), нтвишники (1), огни (1), огонь (1), огромный размер (1), одиночество (1), парк Горького (1), Президент (1), провинция (1), Путин (1), река (1), река Хзлов (1), Спартак (1), столица мира (1), столица Родины (1), столица РФ (1), суета (1), толпа (1), федерального значения город (1), центр (1), центр мира (1), чулки (1), эгоизм (1), Ю. Долгорукий (1).

Как видим, Москва прежде всего ассоциируется со столицей (столица – 28; столица России – 4; столица Родины – 1; столица РФ – 1); в Москве находится Президент (1). Государственными символами столичного города являются Кремль (23) и Красная площадь (20). Затем с большим отрывом следует слово Останкино (8) – название крупнейшего телецентра, расположенного в Москве.

Достаточно часто Москва ассоциируется с такими реалиями, как пробки (6), метро (4), гастарбайтеры (2), магазины (2), площадь (2), взятки (1), вокзал (1), деньги (1), клубы (1), купола (1), музеи (1), небоскреб (1).

Из топографических объектов Москвы наши испытуемые знают Арбат (1), Лужники (1), Мавзолей (1), Макдональдс (1), МГУ (1), МКАД (1) (она же Кольцевая (1)), Монетный двор (1), парк Горького (1).

С точки зрения психологического состояния человека Москва, с одной стороны, связана с большим числом людей: мегаполис (1), много людей (1), многолюдно (1), много народу (1), толпа (1), что вызывает движение (1), жизнь (1), а также суету (1), шум (1). С

другой стороны, Москва ассоциируется с *одиночеством* (1), *злыми людьми* (1), *эгоизмом* (1). Для кого-то Москва – *центр мира* (1) и вызывает положительные эмоции, т.к. связана с *красотой* (2), *красивая* (1), а кто-то оценивает Москву как *большую деревню* (1), *провинцию* (1) и даже *г...но* (1).

Что касается персоналий, имеющих непосредственное отношение к Москве, то испытуемые вспомнили *Ю. Долгорукого* (1), *Ленина* (1), *Лужкова* (1) и *Путина* (1), а также *Наполеона* (1).

Если сравнить результаты, полученные в ходе ассоциативного эксперимента со студентами ЧГУ, с результатами социологического опроса, который проводился на территории всей России по заказу журнала «Фома», то столица нашей страны *Москва* представлена в ответах респондентов-россиян сходным образом. (Далее мы сохраним структуру результатов проведенного социологического опроса так, как это представлено в журнале «Фома».)

«Столица, главный город, центр России» – 35 %.

«Столица нашей Родины. Красивый город. Кремль», «Красная площадь, Кремль, Собор Василия Блаженного, центральные улицы», «Главный город России», «Красная площадь, столица, центр», «Столица, самый большой, самый красивый город».

«Негативные (грязь, коррупция, лицемерие и пр.)» – 19 %.

«Деньги, лицемерие, пробки, шум, коррупция», «Свихнувшийся на деньгах город и люди, которые туда за ними едут», «Бардак», «Не очень приятные!», «Грязь и безразличие», «Большая помойка», «Все торопятся. Жители спесивы и недоброжелательны».

«Мегаполис, город-муравейник» – 12 %.

«Мегаполис, много людей, огни, движение», «Большой город, который напоминает муравейник», «Большая деревня», «Большой город, в котором есть все, что нужно... А если чего-то нет, то это и не нужно...», «Большой базар, все куда-то спешат, но никто ничего не делает».

«Бизнес, власть, большие возможности, карьера» – 10 %.

«Сосредоточение всех денег России! Алчно, зато честно!», «Деньги, власть», «Финансы», «Там, где сосредоточены денежные потоки страны», «Столица России, много возможностей», «Море перспектив», «Работа, деньги, возможности».

Как видим, в целом ассоциации череповецких студентов совпадают с общероссийскими представлениями о Москве. Единственное обнаруженное нами отличие – россияне достаточно часто в своих ответах указывали на Москву как город богатых возможностей. Этот факт в реакциях череповецких студентов на стимул *Москва* явно не отмечен.

Перейдем к реакциям, полученным на стимул *Санкт-Петербург* в ходе ассоциативного эксперимента. **Санкт-Петербург** – друзья (13); *Петергоф* (9); *Невский пр.* (8), *разводные мосты* (8); *Нева* (7), *Невский проспект* (7); *Зенит* (6), *корабли* (6); *андеграунд* (5), *блокада* (5); *Волга* (4), *культура* (4), *культурная столица* (4), *мосты* (4); *Пушкин* (3), *улочка* (3); *2 мировая война* (2), *белые ночи* (2), *дождь* (2), *Достоевский* (2), *Исаакиевский собор* (2), *красота* (2), *любовь* (2), *мечта* (2), *ночь* (2), *Фонтанка* (2), *холод* (2); *2 столицы* (1), *Аврора* (1), *академия МЧС* (1), *армия* (1), *архитектура* (1), *А.С. Пушкин* (1), *болото* (1), *большой город* (1), *ВМФ* (1), *вторая столица* (1), *город-герой* (1), *город куда хочу* (1), *город на Неве* (1), *дворец* (1), *Зенит СПб* (1), *Зимний дворец* (1), *император* (1), *искусство* (1), *исторические ценности* (1), *«Камчатка»* (1), *красиво* (1), *красивый* (1), *Ленинград* (1), *лето* (1), *лучший город* (1), *магазины* (1), *Марсово поле* (1), *Медный всадник* (1), *метро* (1), *морской порт* (1), *мост* (1), *набережная* (1), *наслаждение* (1), *Нева-река* (1), *отдых* (1), *памятники* (1), *Петр I* (1), *Петра творенье* (1), *Петропавловская крепость* (1), *Питер* (1), *прекрасное* (1), *развитый* (1), *река Нева* (1), *романтика* (1), *русский рок* (1), *свобода* (1), *северная столица* (1), *скинхеды* (1), *спокойствие* (1), *сырость* (1), *туристы* (1), *фонтаны* (1), *форум* (1), *Эрмитаж* (1), *янтарь* (1).

Любопытно, что первое место по частоте встречаемости занимает слово *друзья* (13). *Петербург* ассоциируется с *Петергофом* (9), *разводными мостами* (8), *Невой* (ответы: *Нева* – 7; *город на Неве* – 1; *Нева-река* – 1; *река Нева* – 1). Тема разводных мостов и белых ночей представлена в разных реакциях достаточно широко: *мосты* (4); *белые ночи* (2), *ночь* (2); *мост* (1). Примыкают к этой группе слова, связанные с речной тематикой и флотом: *корабли* (6); *ВМФ* (1), *морской порт* (1), *Фонтанка* (1).

Следующая частотная ассоциация связана с главной улицей Санкт-Петербурга – Невским проспектом: *Невский пр.* (8), *Невский проспект* (7).

Санкт-Петербург ассоциируется с *культурной столицей* (4), слово *культура* в качестве реакций также встретилось 4 раза. В эту же тематическую группу можно включить реакции *Исаакиевский собор* (2), *архитектура* (1), *дворец* (1), *Зимний дворец* (1), *искусство* (1), *исторические ценности* (1), *Марсово поле* (1), *Медный всадник* (1), *памятники* (1), *Петропавловская крепость* (1), *Эрмитаж* (1). Известен Петербург молодым череповчанам также своим андеграундом и рок-культурой: *андеграунд* (5), *русский рок* (1), *«Камчатка»*¹ (1).

Пользуется популярностью петербургская футбольная команда «Зенит»: *Зенит* (6), *Зенит СПб* (1).

Наши испытуемые знают официальные и неофициальные названия Санкт-Петербурга: *Ленинград* (1), *Питер* (1); имеют представление о его некогда столичном статусе и в связи с этим о конкуренции Северной столицы с Москвой: *2 столицы* (1), *вторая столица* (1).

Среди персоналий, с которыми связан Санкт-Петербург в сознании наших молодых современников-череповчан, – *Достоевский* (2), *А.С. Пушкин* (1), *Петр I* (1).

Не забыта память о Великой Отечественной войне, о блокаде Ленинграда: *блокада* (5), *2 мировая война* (2), *город-герой* (1).

¹ Вероятно, имеется в виду песня одного из лидеров ленинградского рока в 80-е гг. XX века Виктора Цоя в исполнении группы «Кино».

Отмечаются известные климатические условия в Петербурге и его окрестностях и их причины: *дождь* (2), *холод* (2); *болото* (1), *сырость* (1).

Санкт-Петербург вызывает самые положительные эмоции, о чем свидетельствуют такие реакции, как: *красота* (2), *город куда хочу* (1), *красивый* (1), *красиво* (1), *лучший город* (1), *мечта* (1), *отдых* (1), *прекрасное* (1), *романтика* (1), *свобода* (1), *спокойствие* (1).

Непонятно появление на стимул *Санкт-Петербург* (как, впрочем, и на стимул *Москва*) достаточно частотной реакции *Волга* (4) (на стимул *Москва* реакция *Волга* встретила 1 раз).

Результаты показали, что в целом знание череповецких студентов о крупных русских городах как по своей глубине, так и по эмоционально-оценочному отношению сопоставимы со знанием среднестатистического россиянина.

Рассмотрим, с чем ассоциируются в сознании молодых студентов-череповчан названия близких для них городов – *Вологда* и *Череповец*. Реакции, полученные на стимул **Вологда**, – *деревня* (16); *кружево* (10); *масло* (7), *областной центр* (7); *кружева* (6); *кремль* (3), *магазины* (3), *мармелад* (3), *область* (3), *храмы* (3), *церкви* (3); *аллеи* (2), *водка* (2), *кривой палисад* (2), *региональный центр* (2), *старые дома* (2), *старый город* (2), *центр* (2), *центр Вологодской области* (2); *6:30 утра* (1), *автобус* (1), *бабушка* (1), *бабушки* (1), *бани* (1), *большая деревня* (1), *братья* (1), *буква О* (1), *ВГТУ* (1), *вкусная продукция* (1), *возможная столица России в прошлом* (1), *Вологодская обл.* (1), *вологодский ОМОН* (1), *вологодское масло* (1), *Вологодчина* (1), *вонь на площади* (1), *город* (1), *город буквы О* (1), *город-деревня* (1), *гости* (1), *грязь* (1), *деревенские дома* (1), *дерево* (1), *деревянные дома* (1), *дом* (1), *друзья* (1), *Женя* (1), *забор* (1), *запах* (1), *запутанные улицы* (1), *зеленый* (1), *«зуб»* (1), *клубы* (1), *колокольня* (1), *Кремль Вологодский* (1), *купола на мост 800-летия* (1), *лето* (1), *льнаная столица* (1), *малая родина* (1), *маленькая* (1), *маленький город* (1), *мастер-классы* (1), *МГЮА филиал* (1), *молоко* (1), *молочная продукция* (1), *молочные продукты* (1), *музеи* (1), *Новый год* (1), *НС* (1), *областная столица* (1), *одноклассники* (1), *окулист* (1), *ОМОН*

(1), *памятник Афине* (1), *песня* (1), *песня Вологда* (1), *площади* (1), *площадь* (1), *подшипники* (1), *политик* (1), *Пошехонское шоссе* (1), *провинция* (1), *прокуратура* (1), *прошлое* (1), *псевдоцентр области* (1), *районный центр* (1), *резной палисад* (1), *резьба по дереву* (1), *скучно* (1), *ссылка* (1), *старинный город* (1), *столица* (1), *странные улицы* (1), *сувениры* (1), *торговые центры* (1), *ТЦ «РИО»* (1), *ТЮЗ* (1), *Ульяна* (1), *храм* (1), *цветы* (1), *чистота* (1), *электричка* (1).

Как это ни покажется странным, но самой частотной реакцией на стимул *Вологда* оказалась оценочная (в данном случае) номинация *деревня* (16). Второе место по частоте встречаемости занимает слово, связанное с вологодским кружевом: *кружево* (10), *кружева* (6). Затем по традиции следует вологодское масло: *масло* (7), *вологодское масло* (1), а также молочная продукция в целом: *молочная продукция* (1), *молочные продукты* (1), *молоко* (1), *вкусная продукция* (1). Можно предположить, что вологодское кружево и вологодское масло – типичные реакции любого более или менее образованного россиянина на слово *Вологда*, тогда как оценка областного центра как деревни носит, скорее, местный характер.

Испытуемые знают о том, что Вологда – областной и районный центр: *областной центр* (7), *область* (2), *центр Вологодской области* (2), *центр* (2), *областная столица* (1), *районный центр* (1), *региональный центр* (1). Достаточно часто встречается указание на столичный статус Вологды – как в прямом, так и в переносном смысле: *возможная столица России в прошлом* (1), *столица* (1), *льняная столица* (1).

В то же время встречаются и такие оценочные номинации, как *псевдоцентр области* (1), *провинция* (1), *город-деревня* (1), *большая деревня* (1). Выше мы уже отмечали, что реакция *деревня* на стимул *Вологда* оказалась самой частотной.

Вологда ассоциируется с многочисленностью церквей и храмов, кремлем и вообще стариной: *храмы* (3), *храм* (1), *церкви* (3), *колокольня* (1), *купола на мост 800-летия* (1), *кремль* (3), *Кремль Вологодский* (1), *старые дома* (2), *старый город* (2), *старинный город* (1), *прошлое* (1). Отмечается наличие деревянных домов и

резных палисадников (возможно, не без влияния широко известной песни «Вологда» в исполнении ВИА «Песняры»): *дерево* (1), *деревенские дома* (1), *деревянные дома* (1), *забор* (1), *резной палисад* (1), *резьба по дереву* (1). Вообще упоминание песни «Вологда» так или иначе встречается довольно часто в ответах наших испытуемых: *песня Вологда* (1), *песня* (1), *кривой палисад*¹ (2).

Вологда ассоциируется на бытовом уровне с теми нуждами, по которым, по-видимому, приходилось ездить в областной центр: *окулист* (1), *прокуратура* (1), *мастер-классы* (1); с видом транспорта, расписанием и маршрутом следования: *6.30 утра* (1), *автобус* (1), *Пошехонское шоссе* (1), *электричка* (1); а также с конкретными людьми: *бабушка* (1), *братья* (1), *гости* (1), *друзья* (1), *одноклассники* (1), *Женя* (1), *Ульяна* (1).

С точки зрения субъективно-эмоционального отношения Вологда вызывает у наших респондентов прямо противоположные чувства, но по большей части все-таки негативные (если иметь в виду частоту встречаемости оценочной номинации *деревня*): *вонь на площади* (1), *грязь* (1), *дом* (1), *запах* (1), *малая родина* (1), *скучно* (1), *ссылка* (1), *чистота* (1).

Наконец, приведем реакции на стимул **Череповец**: *завод* (13); *Северсталь* (7); *грязь* (6), *заводы* (6), *Октябрьский мост* (6); *площадь* (4); *город лидеров* (3), *дым* (3), *мой город* (3), *Родина* (3), *университет* (3); *друзья* (2), *малая родина* (2), *металлурги* (2), *металлургия* (2), *мост* (2), *наш город* (2), *родной город* (2), *Север-Сталь* (2), *Соборная горка* (2), *спички* (2), *сталь* (2), *хоккей* (2), *ЧГУ* (2), *экология* (2); *Алмаз* (1), *аэропорт* (1), *бабушка* (1), *Башлачев* (1), *благополучие* (1), *Верещагин* (1), *военкомат* (1), *вокзал* (1), *где я живу* (1), *город, где я живу* (1), *город-металлург* (1), *город металлургов* (1), *город пяти морей* (1), *грязно* (1), *грязный город* (1), *грязюка* (1), *движение* (1), *детство* (1), *диалект* (1), *динамичность* (1), *дом* (1), *дом родной* (1), *дороги* (1), *дымка* (1), *железо* (1), *загрязнение окружающей среды* (1), *индустриализация* (1), *клубы* (1), *красота* (1), *Кувшинников* (1),

¹ Здесь возможно либо неточное цитирование, либо сознательное искажение слов известной песни про Вологду.

Ледовый дворец (1), любимый военный институт (1), любимый город (1), маньяк (1), металл (1), Metallург (1), металлургический город (1), металлургический завод (1), Милютин (1), мой родной город (1), общежитие (1), плохая погода (1), построенный на костях (1), промышленный город (1), промышленный центр (1), проспект (1), работа (1), река (1), река Шексна (1), родина (1), родной (1), р. Шексна (1), серый цвет (1), Советский проспект (1), сыро (1), там мой мальчик (1), трубы (1), ужас (1), улицы (1), холодно (1), цветы (1), череп (1), Шексна (1), широкие улицы (1), Ягорба (1), ядовитые газы (1).

Что касается Череповца, то он прежде всего вызывает ассоциации, связанные с металлургической и химической промышленностью, а в связи с этим и с экологическими проблемами и их восприятием и оценкой: *завод (13), Северсталь (7), заводы (6), грязь (6), дым (3), металлургия (2), металлурги (2), Север-Сталь (2), спички (2), экология (2), город-металлург (1), город металлургов (1), грязный город (1), грязюка (1), железо (1), загрязнение окружающей среды (1), индустриализация (1), металл (1), металлургический город (1), металлургический завод (1), построенный на костях (1), промышленный город (1), промышленный центр (1), серый цвет (1), трубы (1), ужас (1), ядовитые газы (1).*

Достаточно большое число реакций указывает на то, что Череповец является родным и любимым городом для испытуемых: *мой город (3), Родина (3), малая родина (2), родной город (2), город, где я живу (1), детство (1), дом (1), дом родной (1), любимый город (1), мой родной город (1), родина (1), родной (1).*

Что касается субъективно-эмоционального отношения к Череповцу со стороны наших испытуемых, то кроме отрицательных эмоций, связанных с экологией и климатическими условиями (ср.: *сыро (1), холодно (1), плохая погода (1)*), встречаются ответы, свидетельствующие и о позитивных эмоциях: *город лидеров (3), благополучие (1), динамичность (1), друзья (1), красота (1), цветы (1).*

Из достопримечательностей Череповца наши испытуемые отметили прежде всего Октябрьский мост: *Октябрьский мост (6), мост*

(1), а также такие реалии, как: *Алмаз* (1), *аэропорт* (1), *Ледовый дворец* (1), *Соборная горка* (1).

В сознании студентов Череповец представлен своими высшими учебными заведениями: *университет* (3), *ЧГУ* (2), *любимый военный институт* (1).

Среди персоналий, значимых для Череповца и молодых череповчан, названы *Башлагчев* (1), *Верещагин* (1), *Кувшинников*¹ (1).

Р.М. Фрумкина отмечает, что «как феномен ассоциативная связь определена именно культурой во всем ее многообразии – всеми знаниями, опытом, в том числе – чувственным опытом, но при этом таким опытом, в котором мы не отдаем себе отчета» [5, с. 192]. Как можно было заметить, часть ответов наших испытуемых отражает личное отношение человека к тому или иному городу. Как правило, в ответах можно обнаружить и причины такого рода оценок. Чем ближе человек знаком с городом, тем больше в его ответах появляется субъективно-оценочных реакций. Ярче всего это проявилось в случае с реакциями на города *Вологда* и *Череповец*. Ответы наших испытуемых с точки зрения заложенной в них оценки носят как положительный, так и отрицательный характер – в зависимости от отношения человека к тому месту, где он родился или просто живет.

Мы выяснили, что знание о том или ином городе, как правило, имеет следующую структуру: географическое положение города (север, юг; близость с другими странами); наличие водоема (море, река); его административный статус (столица, областной центр, провинция); исторические события; персоналии (основатели города, политические и общественные деятели, деятели культуры); промышленность.

Конечно, в ответах череповецких студентов есть немногочисленные реакции, которые свидетельствуют о плохом знании географии или смешении представлений о городах, похожих по звучанию. Так, среди реакций на стимул *Астрахань* встречались еди-

¹ О.А. Кувшинников – мэр города Череповца (2007 – 2011); с декабря 2011 г. – губернатор Вологодской области.

ничные ответы *валенки, фуфайка, Ломоносов*, которые можно расценить как результат смешения городов Астрахань и Архангельск.

Но в то же время среди ответов череповецких студентов присутствуют такие, которых нет в ответах респондентов журнала «Фома» и которые свидетельствуют о хорошем знании истории, например, на то же слово *Астрахань* были получены такие реакции, как *Степан Разин* и *казаки*. Ничего подобного в ответах респондентов журнала «Фома» нет.

Литература

1. *Кащеева А.* Концепт *Екатеринбург* в языковом пространстве уральского города // Слово – текст – смысл: Сб. студен. науч. работ / Урал. гос. ун-т. [Филол. фак.]. – Екатеринбург, 2006. – Вып. 2. – С. 18–23.
2. *Полубоярин С.В.* Психолингвистический эксперимент как метод изучения концептуального содержания онимов (на примере концепта *Дон*) // Вопросы психолингвистики. – 2009. – № 9. – С. 183–187.
3. Русский ассоциативный словарь. Кн. 3: Прямой словарь: от стимула к реакции. Ассоциативный тезаурус современного русского языка. Ч. II / Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов и др. – М., 1996.
4. Русский ассоциативный словарь. – URL: <http://thesaurus.ru/dict/dict.php>.
5. *Фрумкина Р.М.* Психолингвистика: Учеб. для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Академия, 2001.

Д.С. Коршунов

Военная академия Министерства обороны РФ
(филиал, г. Череповец)

ЧАСТОТНОСТЬ БУКВ И БУКВОСОЧЕТАНИЙ В РУССКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Понятие частотности (частоты употреблений элементов текста в целом тексте – в широком понимании последнего) уже более пятидесяти лет активно используется в самых разнообразных филологических и психолингвистических исследованиях. А.С. Штерн, исследовавшая восприятие устной речи, относил фактор частотности

к числу «существенных лингвистических признаков» [5, с. 81–84]. Безусловно, заслуживает внимания частотность и в исследованиях восприятия письменной речи, которых в отечественной психолингвистике пока недопустимо мало.

В современных зарубежных моделях чтения частотные характеристики элементов текста лежат в основе функционирования моделей. Например, в работе «Двусистемный подход к орфографической обработке» [6] между уровнем букв и уровнем слов предполагается наличие двух параллельных каналов уровня двухбуквенных сочетаний – биграмм. Один канал, характеризующийся как «грубая орфография» (*coarse-grained orthography*), состоит из «открытых биграмм», комбинация которых призвана обеспечивать быструю узнаваемость, «диагностируемость» слова с помощью необязательно смежных, но лучше визуально опознаваемых букв. Второй канал – «тонкая орфография» (*fine-grained orthography*) – служит для группировки часто встречающихся сочетаний букв (сложных графем, морфем) в один объект обработки (*chunking*). Оба канала привлекают выгоду из частотных характеристик обрабатываемых объектов, но диаметрально противоположным способом. Для идентификации всего слова более полезны редкие сочетания букв, тогда как для группировки сложных графем и морфем используется высокая частота совместной встречаемости составляющих их букв.

Такой подход, на первый взгляд, выглядит вполне логичным, однако попытка его реализации на русском языке неизбежно столкнётся с некоторыми трудностями. Что такое часто встречающиеся сочетания букв? Авторами работы называются морфемы и сложные графемы, но в действительности ни то, ни другое по разным причинам нам не подходит.

Морфемы мы не можем воспринимать зрительно – это категория семантики, а не графики, они тесно взаимосвязаны, но не взаимозаменяемы. Простейший пример этого, приводившийся в монографии Е.В. Грудевой [1, с. 110], – невозможность выделить в категориях букв корневую морфему и окончание в местоимении *моя* (мой + а).

Сложных графем, подобных английским или немецким *th*, *ch*, *sch* и др., в русском языке нет. Вряд ли можно считать сложной графемой сочетания согласного с мягким знаком. Хотя А.А. Зализняк допускает возможность рассмотрения *бь*, *вь*, *дь* и т.д. как графических комплексов [2, с. 574], его же определение такого комплекса фактически эту возможность исключает: «Под графемным комплексом понимается такое сочетание графем, чтение которого не выводится из базисных правил чтения его компонентов (например, франц. *ch*, *au*, нем. *sch* и т.п.)» [там же, с. 573]. Очевидно, что чтение согласного с мягким знаком вполне соответствует применяемым к ним правилам.

Таким образом, теоретический анализ не позволяет нам пока отнести частотные сочетания букв к какой-либо определенной лингвистической категории. Вместе с тем реальность существования частотных сочетаний букв не вызывает сомнения, равно как и обоснованным кажется предположение о важной роли таких сочетаний в зрительном восприятии текста. Приходится исследовать проблему эмпирическим путем – посчитать все возможные сочетания букв в русских текстах и определить среди них наиболее частотные.

При всей простоте формулировки такая задача крайне трудна для выполнения. Для подсчета двухбуквенных сочетаний компьютер должен запомнить первую и вторую буквы текста и проверить все остальные многие тысячи позиций букв текста, начиная со второй, на предмет совпадения последовательности знаков (вторую и третью, третью и четвертую, четвертую и пятую и т.д.). По окончании текста компьютер запоминает сочетание второй и третьей букв и повторяет всю процедуру, затем – проверяет сочетание третьей и четвертой букв и т.д. С учетом размера текста (в идеале – все тексты на русском языке) и количества букв в них процесс получается крайне трудоемким даже для компьютера. А нас интересуют не только двухбуквенные сочетания. Например, в предыдущих работах мы отмечали особую роль в чтении квадриграмм – сочетаний из четырех букв [3], [4]. Естественным было бы проверить трехбуквенные сочетания. Возможно, интерес могли бы представлять ком-

бинации из пяти букв. Мы решили ограничить возможное количество букв в сочетании с психофизиологическим критерием – размером поля фовеального (четкого) зрения, которое традиционно оценивается в 4–5 букв, плюс информация о пробелах, которая доступна и в парафовеальном восприятии. Итого подсчету, по нашему мнению, подлежит частотность комбинаций от одного до семи графических знаков.

Трудность работы усугубляется тем, что известные нам текстовые редакторы, статистические программы или Национальный корпус русского языка (НКРЯ) возможности поиска вообще всех допустимых буквосочетаний не предоставляют. Поэтому для решения задачи была разработана специальная компьютерная программа (разработчики программы – студенты А.Н. Дудка, Р.Б. Алиев и А.А. Тарчило). К сожалению, даже с помощью самого современного домашнего компьютера программа не в состоянии обработать подряд несколько книг; оптимальным объемом информации, с которым программа стабильно справляется за один цикл, является фрагмент текста примерно в 30 тысяч знаков (с пробелами). Памяти программы хватает на десять таких фрагментов, суммарный результат обработки которых затем обобщается с помощью средств Microsoft Excel.

С учетом трудоемкости процесса говорить об обработке корпуса текстов пока не приходится. Было принято решение ограничиться выборкой в несколько книг, по возможности наиболее репрезентативных в отношении целого корпуса и современного русского литературного языка вообще. А.С. Штерн, исходя из практики своих исследований по восприятию устной речи, отмечала, что наиболее адекватными с психолингвистической точки зрения и отражающими запас слов среднего носителя русского языка являются тексты художественной (и в значительной мере – детской) литературы [5, с. 36]. На данный момент из доступных в электронном виде современных книг для детей среднего и старшего школьного возраста нами обработана одна: двухтомник Бориса Акунина «Внеклассное чтение».

Книга содержит 130062 слова, что составляет 879257 знаков с пробелами. Суммарная частотность различных комбинаций букв в книге превышает 5 миллионов употреблений. Ограничив список сочетаниями, встретившимися не менее 10 раз, мы получили рейтинг частотности из 23561 пункта.

Наиболее частотными, как и ожидалось, оказались одиночные буквы: *о*, *а*, *е*, что коррелирует с данными НКРЯ. На четвертом месте оказался пробел, что, с одной стороны, говорит о значимости его неочевидной роли как знака, несущего информацию, а с другой стороны, подчеркивает частотность первых трех букв: в среднем они встречаются в каждом слове более одного раза!

Тем не менее только пятнадцать одиночных букв возглавляют рейтинг частотности. Далее начинают регулярно встречаться сочетания буквы с пробелом, маркирующие края слов. Чаще всего, по полученным данным, слова заканчиваются на *о_*, *а_*, *е_*, *и_* (17, 18, 21, 28-е места соответственно), а начинаются на *_н*, *_н*, *_с*, *_в* (20, 23, 24, 29-е места соответственно). Первой гласной буквой, на которую чаще других начинается слово, является вновь буква *_о* (42-е место), за ней идет *_и* (44-е место).

С 32-го места (т.е. в любом случае раньше, чем могли бы быть исчерпаны одиночные буквы) начинаются двухбуквенные сочетания: *то*, *ст* (34-е место), *но*, *по*, *не*, *на* (36–39-е соответственно). Они также постепенно переходят в сочетания с пробелом, из которых заметно чаще других встречается в начале слова *_но* (47-е место), далее с отрывом следуют *_не* (66-е), *_пр* (86-е), *_на* (92-е). Частотными концовками слов оказались сочетания *то_* (98-е место), *не_* (104-е), *на_* (111-е), *но_* (113-е), более ожидаемые *ть_*, *ся_* и *го_* заняли соответственно 118, 119 и 122-е места.

Лидерами среди сочетаний именно трех букв (без пробела) стали *про* (165-е место), *что* (172-е), *ого* (180-е) и *ост* (187-е). Последняя триграмма в очередной раз подчеркивает несовпадение буквосочетания с морфемой при их явной связанности: в сочетании *ост* не с первого взгляда узнается суффикс *-ость*, мягкий знак из которого пропадает при добавлении окончаний, что оставляет частотными лишь три неизменные буквы этого суффикса.

Параллельно с двух- и трехбуквенными сочетаниями продолжают находить свое место на общей шкале частотности одиночные буквы: *й* (35-е место), *х* (64-е), *щ* (157-е), *э* (193-е) и др., а также короткие слова: *_и_* (94-е место), *_не_* (126-е), *_в_* (134-е), *_на_* (179-е), *_что_* (214-е) и т.д.

Интересным объектом, показавшим достаточно высокую частотность, оказались стыки слов, т.е. сочетания «буква-пробел-буква»: *е_n* (213-е место), *о_n* (217-е), *о_c* (228-е), *а_n* (231-е), *о_в* (241-е) и т.д. При некоторой неожиданности такого сочетания как объекта восприятия он обладает очевидной информативностью: одна фиксация взгляда на пробеле сообщает о границе слов и позволяет опознать последнюю – «синтагматическую» – букву одного слова и первую – «парадигматическую» – букву другого слова.

Четырехбуквенные сочетания в общем рейтинге начинают появляться к концу пятой сотни и далее: *енно* (477-е место), *ного* (502-е), *тель* (522-е). Здесь же впервые в явном виде заметно самое частотное слово художественного текста – имя главного героя, которого в книге называют то Никой, то Николасом, то Николаем (*Нико* – 591-е место). Еще более оно заметно в сочетаниях пяти и более букв. Из первых 25 таких сочетаний 15 являются комбинациями букв из слов «Николас» и «Фандорин». «Обычные» слова представлены такими сочетаниями, как *олько* (725-е место), *казал* (863-е), *тельн* (871-е), *говор* (894-е) и т.д. В этих сочетаниях ощущается значительная степень лексичности, хотя регулярного совпадения с морфемами вновь не наблюдается.

Безусловно, выводы на материале одной книги не могут быть окончательными, и исследование нужно продолжать. Тем не менее некоторые результаты можно выделить уже сейчас.

1. Редкие буквы имеют индивидуальную частотность ниже, чем некоторые двух- и трехбуквенные сочетания, а также короткие слова. Соответственно, такие сочетания и слова могут и должны рассматриваться в качестве графических компонентов процесса восприятия текста наравне с буквами.

2. Пробел является частотным и информативным знаком, входит в состав многих частотных сочетаний. Его необходимо учитывать.

3. Частотные сочетания букв связаны с морфемами и слогами, но не являются ими, что выражается в регулярном несовпадении названных элементов.

4. Наиболее яркий пример такого несовпадения – частотные сочетания последней буквы слова с пробелом и первой буквой следующего слова. Насколько нам известно, это новый объект в зрительном восприятии текста, не рассматривавшийся ранее.

5. По сочетаниям от 4 букв и более можно вычислять имя главного героя произведения. В некоторых задачах это свойство может оказаться полезным.

Литература

1. *Грудева Е.В.* Избыточность и эллипсис в русском письменном тексте. – Череповец: ГОУ ВПО ЧГУ, 2007. – 256 с.

2. *Зализняк А.А.* «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 760 с.

3. *Кориунов Д.С.* Проблемы моделирования буквенного чтения и экспериментальное исследование: квадриграммы как открытые биграммы // Вестник Череповецкого государственного университета. – Череповец, 2011. – № 4 (35). – Т. 3. – С. 89–93.

4. *Кориунов Д.С.* Общее и специфическое в буквенном и иероглифическом чтении: экспериментальное исследование // Вестник Череповецкого государственного университета. – Череповец, 2012. – № 1 (36). – Т. 1. – С. 71–76.

5. *Штерн А.С.* Перцептивный аспект речевой деятельности: Экспериментальное исследование. – СПб., 1992. – 236 с.

6. *Grainger J., Ziegler J.C.* A dual-route approach to orthographic processing // *Frontiers in Psychology. Language Sciences.* – 2011. – Vol. 2 (54). – Pp. 1–13.

«ЗЕРКАЛЬНЫЕ» ГЛАГОЛЬНЫЕ СВЯЗИ В СТРУКТУРЕ АССОЦИАТИВНО-ВЕРБАЛЬНОЙ СЕТИ

Речь человека устроена таким образом, что говорим мы не отдельными словами, а фразами. И даже если «фраза» в диалоге состоит из одного слова, это слово не изолированно, оно сопровождается интонацией и связывается в речевой цепочке как с предшествующей ему репликой, так и с последующей, – тем самым оно становится высказыванием.

Как известно, в ассоциативном словаре языковой материал представлен в виде попарно соединенных слов или групп слов, которые служат строительным материалом для построения развернутых фраз и предложений.

По мнению Ю.Н. Караулова, ассоциативный словарь – это еще не речь, но он являет язык в его предречевой готовности, обнажая скрытый от прямого наблюдения способ «держания» языка в памяти его носителя, приоткрывая завесу над тем, как устроена языковая способность человека [2].

Поскольку словарь представляет собой слепок с ассоциативно-вербальной сети (АВС), отражающей организацию языковой способности человека, в нем содержится информация, которая относится ко всем трем уровням языковой личности: грамматико-семантическому, когнитивному и прагматическому. Для того чтобы охарактеризовать все виды информации в словаре, авторы избрали принцип, который лежит в основе функционирования самой сети и опирается на сходство, похожесть, аналогию составляющих ее единиц. Аналогия между стимулом и реакцией проявляется как в подобии формы и их категориальных признаков, так и в сходстве их содержания. В исследованиях ассоциативных связей лингвисты больше всего внимания уделяли содержательной стороне, анализируя семантические и синтаксические отношения между стимулом и реакцией. Между тем формальное уподобление в паре S-R играет

столь же важную роль в организации и функционировании АВС [2].

Вопрос о типологии связей в современной лингвистике можно считать достаточно разработанным; наличие разных типов связей может говорить о разной глубине ассоциативного процесса. Так, Т.И. Доценко выделяет две ступени в иерархии уровней внутреннего лексикона: **глубинный** (тематические ассоциации с дальними и ближними связями) и **поверхностный** (семантические ассоциации с парадигматическими и синтагматическими связями) [1].

Попытки построить универсальную классификацию ассоциативных реакций были предприняты А.А. Залевской и А.М. Шахнаровичем.

С точки зрения формального отношения слова-стимула к слову-реакции традиционно выделяют синтагматические и парадигматические связи. Такое разделение можно считать классическим и общепринятым. Начало противопоставления парадигматических и синтагматических отношений было положено еще Н.В. Крушевским, а позже развивалось Ф. де Соссюром.

К синтагматической относится такая связь, которая реализуется в паре «стимул – реакция», где реакция со стимулом составляет грамматически оформленное словосочетание, например *ОГОНЬ – горит*, *МАМА – добрая*. К парадигматической относится такая связь, которая реализуется в паре «стимул – реакция», где реакция связана со стимулом на основе общности либо их формы, либо содержания, либо на основе сходства и того и другого одновременно.

Подсчеты, выполненные Н.В. Уфимцевой, показывают, что у носителей русского языка на долю парадигматических реакций приходится 31 % от всех ассоциаций, а на долю синтагматических реакций – 69 %. Любопытно, что при этом для стимулов-глаголов разрыв между парадигматическими и синтагматическими реакциями увеличивается еще больше: парадигматические реакции в таком случае составляют 19 %, а синтагматические реакции – 81 % [5].

Вопрос о направленности ассоциативных связей в теоретическом плане впервые был поставлен в статье Дж. Миллера [6]. Параметр «направленность ассоциативных связей» неразрывно связан

с вопросом о том, насколько симметрично (или асимметрично) соотношение в парах «стимул – реакция». Если отношение асимметрично, тогда и следует говорить о таком аспекте, как направленность связи. При этом семантические отношения, в основе которых лежит совпадение (пересечение) семантических компонентов, должны быть симметричны (двунаправлены), а ассоциативные отношения – необязательно. Таким образом, «направленность» может быть критерием, характеризующим как внешние, так и внутренние связи слова.

Н.И. Кулакова провела в рамках своего диссертационного исследования [3] свободный ассоциативный эксперимент, в котором в качестве стимулов использовались «бывшие» реакции. Цель эксперимента заключалась в том, чтобы выяснить, насколько симметрично (или несимметрично) соотношение в парах «стимул – реакция»; насколько в целом типично (или нетипично) для «бывшей» реакции вызвать «бывший» стимул.

В ходе анализа полученных пар «стимул – реакция» Н.И. Кулакова объединила их в три разные группы:

- с асимметричным соотношением стимула и реакции;
- абсолютно симметричные;
- с частичной симметрией.

В рамках нашего исследования нас интересовала прежде всего группа с абсолютно симметричным соотношением. В эту группу вошли такие пары, в которых бывшие стимулы оказались наиболее частотными ассоциатами, т.е. бывшим стимулом отреагировала значительная часть испытуемых и такая реакция оказалась либо единственной среди частотных, либо первой по частотности, с большим отрывом от остальных реакций. Именно для этой группы характерна так называемая «зеркальная» направленность связей в парах «стимул – реакция».

Предметом нашего исследования являются глагольные связи (парадигматические и синтагматические) в структуре ABC. Обратившись к «Русскому ассоциативному словарю», мы проанализировали 20 словарных статей, в которых в качестве заголовочного слова-стимула выступал глагол. Целью нашего исследования было вы-

яснить, существует ли «зеркальная» связь между глаголами. При этом под «зеркальной» связью мы понимаем такую ассоциативную связь в глагольных парах, где каждый из них поочередно является стимулом и реакцией.

В рамках нашего исследования, как уже было сказано, мы отобрали и проанализировали 20 глаголов, при этом отбирались глаголы разных грамматических классов: совершенного / несовершенного вида, переходные / непереходные, возвратные / невозвратные, а также глаголы-стимулы, представленные как в форме инфинитива, так и в личной форме.

Поиск в электронной базе данных «Русский ассоциативный словарь» (<http://thesaurus.ru/dict/dict.php>) был организован следующим образом: сначала мы задавали тот или иной глагол в качестве стимула, затем выписывали все глагольные реакции на этот стимул. После этого мы задавали в качестве стимула все полученные глагольные реакции, выписывали все глагольные реакции на них и, наконец, обращали внимание на то, существует ли «зеркальная» связь между глаголами в парах «стимул-реакция».

Например, на глагол *отдыхать* была получена 31 разная глагольная реакция из общего числа разных реакций (202). При этом 9 глаголов (*работать* (15), *балдеть* (4), *читать* (4), *гулять* (2), *ехать* (2), *лежать* (2), *расслабиться* (2), *играть* (1) и *сидеть* (1)) из 31, заданных как стимулы, в качестве глагольной реакции обнаружили слово *отдыхать* и, таким образом, выявили «зеркальные» связи. Суммарная частота встречаемости глагола *отдыхать* в качестве реакции на указанные глаголы-стимулы составила 56. Приведем данные о частоте встречаемости этой реакции на каждый глагол отдельно: *гулять* – 17, *лежать* – 9, *расслабиться* – 9, *работать* – 7, *ехать* – 5, *балдеть* – 4, *сидеть* – 3, *играть* – 1, *читать* – 1.

Приведем еще один пример: на глагол *забыть* были получены 53 разные глагольные реакции, общее число разных реакций на глагол *забыть* – 237. В этом случае 13 глаголов из 53 (например, *вспомнить* (35), *помнить* (12), *вспоминать* (2), *оставить* (1), *простить* (3), *вычеркнуть* (2), *изменить* (1), *обещать* (1), *сказать* (1)),

выступая в роли стимула, получили глагол *забыть* в качестве реакции. Суммарная частотность встречаемости глагола *забыть* в качестве реакции на указанные глаголы-стимулы составила 76.

Проанализировав подобным образом избранные 20 глаголов, мы получили следующий результат: 15 глаголов имеют «зеркальные» глагольные связи, 5 глаголов (*любоваться, не придумашь, пахнуть, познать, порхает*) не имеют такой связи. Следует отметить, что частота встречаемости разных симметричных глагольных реакций у разных глаголов разная: от 1 до 13. Сведения о распределении глагольных реакций с учетом «зеркальных» глагольных связей представлены в таблице.

Таблица

**Распределение глагольных реакций
с учетом «зеркальных» глагольных связей**

Глагол-стимул	Число разных реакций		Число разных «зеркальных» глагольных реакций	Суммарная частота встречаемости «зеркальных» глагольных реакций
	всего	глагольных		
1	2	3	4	5
1. Забыть	237	53	13	76
2. Отдыхать	202	31	9	56
3. Достать	223	38	6	12
4. Остановиться	247	60	5	7
5. Шить	138	26	5	26
6. Исполнять	61	12	3	9
7. Мыслить	66	7	2	20
8. Прислать	121	22	2	2
9. Тратить	103	27	2	2
10. Шагать	49	7	1	5
11. Нуждаться	180	11	1	8
12. Являться	247	30	1	3
13. Молить	33	6	1	6
14. Выпить	60	7	1	14
15. Беседовать	64	12	1	6

1	2	3	4	5
16. Любоваться	52	12	0	-
17. Не придумаешь	47	10	0	-
18. Пахнуть	56	6	0	-
19. Порхает	39	5	0	-
20. Познать	47	9	0	-

Таким образом, на данном этапе исследование подтвердило факт существования «зеркальных» глагольных связей в ассоциативно-вербальной сети. В дальнейшем нам предстоит изучить причины существования такого рода связей, а также более подробно рассмотреть типы парадигматических отношений, лежащих в основе «зеркальных» связей. Например, в случае с глаголом *отдыхать* можно говорить о синонимии (*балдеть, расслабиться*), родовидовых отношениях (*гулять, лежать, сидеть, играть, читать*), антонимии (*работать*).

Литература

1. Доценко Т.И. Влияние экспериментальной ситуации на процесс и характер ассоциирования // Материалы XXVII межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. Вып. 13. Секция общего языкознания. Ч. 2 / Отв. ред. В.Б. Касевич. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998. – С. 15–21.
2. Караулов Ю.Н. Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности // Караулов Ю.Н., Черкасова Г.А., Уфимцева Н.В. и др. Русский ассоциативный словарь: В 2 т. Т. 1. От стимула к реакции: Ок. 7000 стимулов. – М.: АСТ-Астрель, 2002. – С. 750–782.
3. Кулакова Н.И. Внешние и внутренние связи в семантике слова: экспериментальное исследование на материале русского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2004.
4. Русский ассоциативный словарь. – URL: <http://thesaurus.ru/dict/dict.php>.
5. Уфимцева Н.В. Опыт экспериментального исследования процесса формирования значения // Психолингвистические проблемы в области лексики и фонетики. – Калинин: Изд-во КГУ, 1981. – С. 132–134.

6. *Miller G.A.* The organization of lexical memory: Are words associations sufficient // *The pathology of memory*. – New York: Basic Books, 1969. – Pp. 305–319.

Н.А. Слепокурова

Санкт-Петербургский государственный университет

ПРОЧИТАННАЯ И СПОНТАННАЯ РЕЧЬ: СХОДСТВО И РАЗЛИЧИЯ

Спонтанная и прочитанная вслух речь составляют основу устной коммуникации в современном цивилизованном социуме, хотя, разумеется, далеко не в равных пропорциях. «Спонтанно» люди, как это есть и было везде во все эпохи, общаются в неформальной обстановке со своими близкими. Чтению же вслух издавна отводится известное место в таких сферах, как воспитание детей в семье, школа, радио, телевидение, юриспруденция, театр, церковь, политика и т.д. Не стоит забывать и о все более широко распространяющейся в современном культурном пространстве практике прослушивания аудиокниг через наушники или автомобильные звуковоспроизводящие устройства. Отметим, кстати, что, в отличие от спонтанного диалога, где каждый человек попеременно является то говорящим, то слушающим, при чтении вслух количественное соотношение между этими двумя ролями асимметрично: в основном люди пассивно «потребляют» прочитанные вслух кем-то другим тексты.

Еще более важное различие между названными типами речи, вероятно, связано с тем, что в рамках звучащей речи, включающей в себя разнообразные стили и манеры говорения, спонтанные и прочитанные тексты явно противопоставлены друг другу по признакам «подготовленность» и «официальность»: в то время как спонтанная речь рождается непосредственно в момент проговаривания реплики неподготовленного диалога собеседников, прочитанный вслух текст есть результат «озвучивания» написанного ранее текста письменного. Однако эта достаточно очевидная сущно-

стная разница до самого последнего времени исследователями не осознавалась, характер и результат процесса артикуляторной деятельности в обоих видах речи считались одинаковым по умолчанию. Даже академик Л.В. Щерба, наряду с Ш. Балли одним из первых догадавшийся об известной противопоставленности письменной и устной речевых манер, видимо, не предполагал возможности стратификации пространства устной речи. Поэтому и прогресс в отечественной фонетике в XX веке, обеспечивший вхождение в лингвистический обиход таких базовых и характеризующих устную речь в целом фонетико-просодических понятий, как синтагма, интонационный контур, интонационная конструкция и др., основывался на исследованиях специально придуманных и «хорошо» прочитанных вслух изолированных предложений (в лучшем случае – коротких текстов), создавать которые в лабораторных условиях было совсем не трудно.

Появление современных экспериментальных технологий, обеспеченное прогрессом в сфере компьютерологии и развитием корпусной и дискурсивной лингвистики, впервые в практике речевых исследований позволило осуществлять не выборочный, а сплошной акустико-фонетический анализ устных текстов любой длины и природы. Являясь исключительно трудозатратным, подобный «мониторинг» в то же время приводит к возможности фиксировать и выявлять ускользавшие ранее от внимания исследователей новые и нетривиальные детали спектрально-временной организации устного дискурса. Так, в работе [4] впервые описаны результаты сплошного анализа линейно-временной структуры 25-минутного звучащего спонтанного текста, в ходе которого были обнаружены регулярные нарушения синтаксической цельности межпаузальных интервалов: количественный анализ показал, что в целом около трети всех отрезков непрерывного говорения, разделенных паузами, оказались не совпадающими со щербовскими синтагмами. Таким образом, выяснилось, что традиционная концепция безостаточного членения высказывания на полноценные синтагмы для устного спонтанного дискурса не может быть принята в качестве абсолютно адекватной.

В таблице для сравнения приведен фрагмент аналогичного компьютерного мониторинга 22-минутного текста теоретико-лингвистического содержания, который был прочитан вслух диктором-лингвистом, хорошо знакомым с содержанием данного текста [7]. В левом столбце даны в орфографии следующие друг за другом отрезки произнесенного диктором текста, разделенные паузами; в крайнем правом столбце зафиксированы длительности каждого из них в секундах и миллисекундах, два столбца цифр в середине обозначают соответственно моменты их начала и окончания на линейной оси хронометрирования данной аудиозаписи. Ясно видно, что вошедшие в приведенный образец текста межпаузные отрезки речи представляют собой классические щербовские синтагмы. Сплошной анализ показал, что лишь в 2 % из более чем 400 составивших текст межпаузных отрезков зафиксированы отступления от указанной общей тенденции.

Таблица

Фрагмент сегментации прочитанного вслух письменного текста

Отрезки прочитанного текста, отделенные друг от друга паузами	Момент начала данного отрезка на линейной шкале времени, отсчитываемого от начала чтения текста (в мин, с, мс)	Момент окончания данного отрезка на линейной шкале времени, отсчитываемого от начала чтения текста	Длительность отрезка в с, мс
1	2	3	4
возможна правда точка зрения	00:06:07,095	00:06:09,052	00:00:01,956
согласно которой классификацию	00:06:09,208	00:06:11,037	00:00:01,828
лежащую в основе синтеза	00:06:11,252	00:06:12,749	00:00:01,497
не нужно формулировать явно	00:06:13,365	00:06:14,949	00:00:01,584
и рассматривать как самостоятельную часть описания	00:06:15,112	00:06:17,463	00:00:02,351

1	2	3	4
при необходимости она может быть усмотрена из самих правил синтеза	00:06:19,152	00:06:22,368	00:00:03,215
однако такая точка зрения	00:06:24,040	00:06:25,567	00:00:01,526
обычно применяемая например при составлении алгоритмов машинной обработки текстов	00:06:25,700	00:06:29,979	00:00:04,278
то есть при так называемом общении человека с машиной	00:06:30,861	00:06:33,589	00:00:02,728
оказывается неприемлемой	00:06:34,536	00:06:35,946	00:00:01,410
когда речь идет о лингвистическом описании предназначенном для людей	00:06:36,138	00:06:39,458	00:00:03,320
дело прежде всего в том	00:06:41,722	00:06:42,970	00:00:01,248
что извлечение классификации из правил синтеза представляет собой весьма нелегкую операцию	00:06:43,237	00:06:48,003	00:00:04,765
которая может к тому же давать неоднозначный результат	00:06:48,727	00:06:51,392	00:00:02,664

Таким образом, речь идет о фиксации систематического несходства между линейно-временным квантованием в двух типах устных текстов – спонтанном и прочитанном вслух: в первом говорящий регулярно разрывает паузами сильные синтаксические связи, для второго подобный тип членения оказывается запрещенным. Следует оговориться, однако, что этот вывод основан на анализе материально разных звучащих текстов.

Целью следующего эксперимента [2] являлась проверка полученного результата на текстах с одинаковым языковым «заполнением». Исходным материалом послужила аудиозапись 2-минутного спонтанного монолога, орфографическую версию которого группа лингвистов-экспертов достаточно согласованно, после расстановки знаков препинания, сочла приемлемой, хотя и непростой по синтаксису версией письменного текста¹. Это обстоятельство и позволило провести исследуемое сопоставление на одном и том же языковом материале.

Прежде всего было подтверждено, что многие межпаузальные отрезки, выявленные в этом монологе, не являются каноническими синтагмами. Для сопоставления синтагматической структуры спонтанного текста с картиной сегментации, определяемой стратегией чтения записанного текста, использовалась следующая экспериментальная методика: текст без знаков препинания и заглавных букв испытуемые читали «про себя» и отмечали те места, где бы они сделали паузу при чтении вслух. Такой подход, т.е. замена громкого чтения мысленным, имеет серьезное методическое преимущество, т.к. дает возможность проведения сравнительно простого эксперимента с участием большого количества испытуемых, в то время как при чтении вслух последняя задача из-за громоздкости последующей обработки оказалась бы невыполнимой. В описываемом эксперименте приняли участие 50 испытуемых.

Ниже представлен фрагмент исследованного текста, пронумерованные строчки которого представляют интервалы между паузами в речи диктора, а цифры в косых скобках указывают число испытуемых, обозначивших позицию паузы при мысленном чтении именно в данном месте. Хорошо видно, что некоторые межпаузальные отрезки речи, например 38-й и 39-й, действительно оказались одинаковыми у диктора и у большинства испытуемых при

¹ Из дальнейшего будет ясно, что сама возможность дословного «совпадения» спонтанного и письменного текста является редчайшим исключением из общего правила и в данном случае ее, по-видимому, можно объяснить лишь тем, что автор спонтанного монолога является человеком высокой речевой культуры и сам монолог был произнесен в рамках респектабельного ток-шоу.

«чтении», в то время как для других (отрезки под номерами 41, 42, 43, 48, 49, 50) характер паузации при дикторском произнесении и «чтении» различался:

- 38) *но тут я готова согласиться с Туттой /41/*
- 39) *это дело /1/ частной /24/ частной семьи /40/*
- 40) *да /25/ что в результате будет выбрано ребенком /43/*
- 41) *а /2/*
- 42) *в том /15/ что Гарри Поттер /6/*
- 43) *на сегодняшний момент /8/*
- 44) *единственный канал /28/*
- 45) *через который /1/ наши подростки*
- 46) *могут /4/*
- 47) *что-то понять про себя /42/*
- 48) *что-то*
- 49) *в себе*
- 50) *осознать /32/ и /2/ через*
- 51) *это /7/ как-то с самими собой /2/ иметь дело /45/ ну приходится признать /9/ что это так /49/*

В целом стратегия расстановки маркеров паузации в данном эксперименте у разных испытуемых не совпадала, но при этом подавляющее большинство пауз, включая единичные, независимо от степени дробности членения появлялось в позициях, обусловленных семантико-синтаксическими свойствами текста. Данные другой известной нам работы [5] также свидетельствуют о том, что при чтении вслух осуществляется «правильное» просодическое членение текста, «навязываемое» его грамматической структурой.

Результаты описанных экспериментов дают основание предполагать, что каждый из исследуемых типов текстов функционирует по своим собственным правилам: спонтанная речь порождается в соответствии с течением мысли и ее линейная развертка основывается прежде всего на необходимости практически одновременного обдумывания и «озвучивания» информации, транслируемой собеседникам, причем названные процессы, по-видимому, не являются строго синхронизированными, что и является одной из возможных причин паузально-синтаксических «сбоев». При чтении – вследст-

вие наличия перед говорящим уже порожденного другим субъектом текста – речевая стратегия, естественно, изменяется и основой просодического декодирования письменного текста становится семантико-синтаксическое квантование разной степени дробности.

Огромную роль в этом несходстве играет, предположительно, и специфика языкового «оформления» обоих типов текстов: в частности, известно, что русские спонтанные «тексты обладают многими... отличиями от книжно-письменных текстов. Эти особенности исключают перевод разговорных текстов в письменную форму кодифицированного литературного языка путем простого редактирования» [3, с. 128]. Поясним этот тезис примером из «архива» автора настоящей статьи. Нижеприведенные тексты, существенно различающиеся по своему грамматическому устройству, передают фактически одинаковое содержание: первый – предложение, заимствованное из монографии по киноведению [1, с. 166], второй – реально зафиксированный пересказ этого предложения в спонтанной речи:

Своей униженности Кабирия не замечает, жалости к себе не испытывает даже тогда, когда ее, за ненадобностью, выставляют в ванную, даже тогда, когда Феллини безжалостно уравнивает ее с комнатной собачкой, тоже будто бы случайно попавшей в кадр.

Вот понимаешь / Кабирия милая / смешная / но все-таки очень жалкая / и сама этого как бы не чувствует // Помнишь там этот тип богатый / он увез ее на свою виллу / так вот он ее выгоняет в ванную когда / ну не важно / а в ванной собачка маленькая // И Феллини нарочно сравнивает ее с этой собачкой / чтобы вот эту унижительность / униженность.../ а она сама всем довольна /

Этот пример является хорошей иллюстрацией высказываемых в литературе гипотез, согласно которым для типично спонтанных и типично письменных текстов характерна принципиальная разница синтаксических структур: если первые представляют собой по преимуществу «горизонтальные» линейные последовательности простых, полных и неполных, предикаций ¹, то вторые организованы,

¹ Существенно, что это мнение подтверждается типологическими исследованиями устных дискурсов на многих бесписьменных языках (см., например, работы Дж. Дю Буа, в частности [8]).

скорее, иерархически, с преобладанием «сложно организованных структур закрытого типа с подчинительными связями частей» [6, с. 115–116]. Можно высказать предварительное соображение о том, что необходимость донесения до слушателей без потерь содержания письменного текста, в значительной мере зашифрованного через его сложный синтаксис, т.е. через упомянутую вертикальную иерархию, требует от диктора столь тонкой просодической нюансировки произносимого текста, что разрыв линейных синтаксических связей путем включения в речь нештатных пауз здесь попросту исключен, поскольку он потенциально чреват искажением всей синтаксической «вертикали» и, соответственно, разрушением смысла читаемого. Можно заметить, что весьма важную опору для «правильного» чтения текста, несомненно, представляет его пунктуационная разметка, ориентированная в целом именно на установление соответствий между синтаксисом и просодикой, о чем, опережая свое время, много писал А.М. Пешковский.

В данной работе предпринята предварительная попытка интерпретации экспериментально зафиксированных различий в организации синтагматической структуры спонтанного и прочитанного устного текста, определяемой характером паузации и являющейся одной из составляющих текстовой просодики. Проведенный сопоставительный анализ позволяет считать, что чтение и спонтанная речь относятся к разным видам устного дискурса.

Литература

1. *Бачелис Т.И.* Феллини. – М.: Наука, 1972.
2. *Венцов А.В., Слепокурова Н.А., Снюгина Е.А.* Особенности паузации спонтанного и прочитанного текстов // Анализ разговорной русской речи (АР³ – 2011). Труды пятого междисциплинарного семинара. – СПб.: ГУАП, 2011. – С. 27–32.
3. *Земская Е.А., Ширяев Е.Н.* Русская разговорная речь: итоги и перспективы исследования // Русистика сегодня. Язык: система и ее функционирование. – М.: Наука, 1988. – С. 121–152.
4. *Комовкина Е.П., Слепокурова Н.А.* Анализ межпаузальных интервалов в спонтанном тексте: предварительные результаты // Череповецкие научные чтения – 2009: Материалы Всероссийской научно-практической конферен-

ции. – Череповец: ГОУ ВПО «Череповецкий государственный университет», 2010. – С. 47–51.

5. *Кривнова О.Ф.* Перцептивная и смысловая значимость просодических швов в связном тексте // Проблемы фонетики. Вып. II / Отв. ред. Л.Л. Касаткин. – М., 1995. – С. 228–238.

6. *Пожарицкая С.К.* Русская диалектология. – М., 1997.

7. *Слепокурова Н.А.* Линейно-временная структура спонтанного и прочитанного вслух текста // Проблемы социо- и психолингвистики. Вып. 15: Пермская социопсихолингвистическая школа: идеи трех поколений: к 70-летию со дня рождения А.С. Штерн / Отв. ред. Е.В. Ерофеева. – Пермь, 2011. – С. 21–30.

8. *Du Bois J.W.* The Discourse basis of ergativity. – *Language*. – Vol. 63. – 1987. – P. 805–855.

БИЛИНГВИЗМ. ОНТОЛИНГВИСТИКА

Т.Н. Дёмушкина

Череповецкий государственный университет

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ НЕСОГЛАСИЯ В БИЛИНГВАЛЬНОЙ РЕЧИ

Цель данной работы – выявить некоторые особенности средств выражения несогласия в англоязычной речи билингвов, для которых родным языком является русский.

Для достижения данной цели проводился анализ 23 диалогических единств, извлеченных из звучащей речи 6 билингвов. Все они – учителя английского языка, активно использующие оба языка в устной и письменной коммуникации, т.е. обладающие двуединым билингвизмом. Их билингвизм начал формироваться в возрасте 7–10 лет в искусственной среде.

Сбор материала проходил как в учебных и рабочих ситуациях (уроки и обсуждение проблем преподавания английского языка), так и в ситуациях неофициального общения с носителями и не-носителями английского языка.

В современном обществе билингвизм становится довольно распространенным явлением, поскольку многие люди в той или иной степени владеют несколькими языками. Две системы языков у билингва находятся в постоянном взаимодействии. Актуальной остается проблема взаимовлияния механизмов порождения речи на родном языке и механизмов порождения речи на изучаемом языке. Как отмечает А.А. Залевская, билингвизм не является результатом переkreщивания двух разноязычных структур, но представляет собой сложный механизм с особыми взаимосвязями элементов в языковых процессах. Языковые связи в сознании билингва закрепляются в зависимости от языкового опыта, полученного на данном

языке, ассоциативное вербальное поведение билингва зависит и от структуры определенного языка [2, с. 65].

Различают **естественный** и **искусственный** билингвизм. При естественном двуязычии человек усваивает два языка с рождения и/или растет в билингвальной среде, а при формировании искусственного билингвизма обучается второму языку после овладения первым. В таком случае для него всегда будет родным языком первый усвоенный. Искусственный билингвизм представляет собой владение двумя лингвокультурными кодами, один из которых усвоен в условиях специального обучения. Редко можно встретить «чистого» билингва, в большинстве случаев один язык предпочтительнее: говорящий использует его для повседневного общения, а второй язык – только в том случае, если этого требует определенная коммуникативная ситуация.

При искусственном билингвизме существует множество факторов, влияющих на речевое поведение индивида. Для того чтобы проанализировать речь билингва, необходимо учитывать следующие критерии билингвизма: компетенция в двух языках, коммуникативная активность, форма языка, возраст формирования билингвизма, способ формирования билингвизма, сознательность формирования билингвизма, этнолингвистический критерий, престижность языков, степень родства языков, характер языковых контактов, характер взаимодействия языковых систем в сознании [6, с. 5].

Речевая коммуникация, в том числе и билингвальная, весьма сложна по своей структуре. Она представляет собой специфическую форму речевого взаимодействия людей в процессе их познавательно-трудовой деятельности [3, с. 124]. Одной из форм устной речевой коммуникации является диалог. Диалогическая речь, как определил ее Г.Я. Солганик, это наиболее естественная форма речевого общения, обычно характеризующаяся спонтанностью, постоянной сменой высказываний (реплик) собеседников. Связанные между собой по смыслу реплики (речевые действия) диалога образуют так называемые диалогические единства, среди которых существуют классические вопросно-ответные единства, единства с начальной побудительной или информативной репликой и ответ-

ными репликами с различными значениями. В процессе обсуждения может быть выяснено согласие или несогласие по обсуждаемым вопросам [4, с. 105].

Речевой акт несогласия выражает в той или иной мере отрицательное отношение к действию или высказыванию собеседника. Под речевым актом несогласия в диалогической речи понимается акт, объединяющий все виды отрицательной реакции: опровержение, возражение, суждение, выражение недовольства, неодобрение [1, с. 37].

М.М. Филиппова рассматривает эксплицитные средства выражения несогласия через категорию отрицания. Она выделяет несколько способов выражения несогласия: лексические, морфологические и синтаксические. Наиболее явно отрицание для выражения несогласия передается морфологическим способом, т.е. с помощью отрицательных частиц, местоимений, наречий, союзов и предлогов [5, с. 23].

Например:

- *We can do it independently.*
- *No, work in pairs.*

Для передачи несогласия в диалоге часто используются негативные слова *nothing, never, nobody*. В функциональном плане они приравниваются к отрицательным частицам и несут тот же смысл.

Например:

- *Jaywalk means to cross the street without looking at the traffic lights and pedestrian crossing.*
- *No! I **never** forget one programme on TV. I heard that jaywalk meant walking with music!*
- *But I'm talking about the American variant.*

Выражение несогласия может осуществляться с помощью таких морфологических средств, как аффиксация, представленная префиксацией и суффиксацией. Наиболее распространенными являются негативные префиксы *un-, in-, dis-* и суффикс *-less*.

Несогласие говорящий может высказать с помощью вопросительных предложений, таких как риторические и встречные вопросы.

Например:

– *I think it's not good to do it without pictures.*

– ***Why not?*** *They are clever enough.*

Другой пример:

– *I think answer D is correct.*

– ***Does everyone agree with it?***

Лексические средства отрицания для выражения несогласия в речи носителей английского языка встречаются реже, чем грамматические. Это слова, имеющие отрицательную семантику, а также антонимы к тем лексическим единицам, которые использовались в иницилирующей реплике. Использование лексических средств отрицания часто связано с повышенной эмоциональностью, заинтересованностью, желанием как можно ярче выразить свое мнение, противопоставленное мнению собеседника. К лексическим средствам выражения несогласия относятся слова разных частей речи:

1) имена существительные: *nonsense, rubbish*;

2) глаголы: *to fail, to refuse, to contradict*;

3) имена прилагательные (иногда относящиеся к группе «ругательных слов»): *horrible, beastly, awful, bloody, foul* и др.;

4) наречия (использующиеся, как правило, для усиления эмоций): *absolutely, rather, really, utterly, perfectly, quite, too, completely, horribly, just* и др.

В англоязычной речи наблюдаемых нами взрослых билингвов указанные выше лексические средства выражения несогласия не зафиксированы.

Таким образом, можно сделать вывод, что для звучащей англоязычной речи русско-английских билингвов характерно использование грамматических средств выражения несогласия: отрицательных частиц и наречий. Кроме того, в учебных ситуациях они используют встречные вопросы, выражая несогласие имплицитным путем. Тот факт, что в исследуемом материале не встретилось использование лексических средств выражения несогласия, может свидетельствовать о недостаточной экспрессии билингвов в речи на неродном языке. Однако поставленная

проблема требует дальнейшего исследования на более обширном речевом материале и в разнообразных коммуникативных ситуациях.

Литература

1. *Ерема А.В.* Национальная специфика выражения запрещения и отказа в русском и английском языках. – Воронеж: ВГУ, 1996. – 94 с.
2. *Залевская А.А., Медведева И.Л.* Психолингвистические проблемы учебного двуязычия: Учеб. пособие. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2002. – 194 с.
3. *Клюев Е.В.* Речевая коммуникация. – М.: Прогресс, 2002. – 320 с.
4. *Солганик Г.Я.* Синтаксическая стилистика. – М.: ЛКИ, 2007. – 232 с.
5. *Филиппова М.М.* О роли двойного отрицания в английском языке // Язык, сознание, коммуникация. – М., 2005. – № 31. – С. 23–63.
6. *Чиршева Г.Н.* Лекции по введению в билингвологию. – Череповец: ЧГУ, 2001. – 34 с.

И.Ю. Мишинцева

Череповецкий государственный университет

ОСТРОВНЫЕ ПЕРЕКЛЮЧЕНИЯ КОДОВ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ

Переключение кодов (ПК) – это «специфическая способность билингва успешно участвовать в двуязычном типе коммуникации, осуществляя выбор языка в соответствии с экстралингвистическими факторами (компонентами коммуникативной ситуации), соединять в одном высказывании, предложении или словосочетании единицы двух языков, не нарушая при этом грамматические нормы ни одного из них» [1, с. 48].

Островные переключения кодов – это подвид внутрифразовых переключений в пределах словосочетания. Такие речевые отрезки состоят из одной или нескольких лексических единиц гостевого языка и сочетающихся с ними системных морфем гостевого языка (ГЯ).

Всего в исследуемом материале было обнаружено 892 ПК с английского языка (38 % от общего числа примеров ПК) в пределах словосочетания или простого предложения, островами ГЯ из них являются 54 %. Большинство островных переключений приходится на речь персонажей (69 %, 330 единиц).

Острова французского, испанского, итальянского и латинского языков представлены отдельными словами со словоизменительными аффиксами и словосочетаниями. По синтаксическим отношениям между главным и зависимым компонентами словосочетания были выявлены субстантивные, адъективные, предложные и глагольные словосочетания. Острова французского языка представлены субстантивным, адъективным и предложным типом, острова латинского языка – субстантивным, глагольным и предложным; испанского – субстантивным, адъективным, предложным и глагольным; итальянского – субстантивным. Рассмотрим морфологический состав островов ГЯ.

Острова французского языка образованы по следующим моделям:

1. Словосочетания:

А) Прилагательное + существительное (27 %):

“This *belle histoire* may be a hoax – but it may not!” (Christie. Poirot Investigates, p. 4).

Здесь остров ГЯ представляет собой субстантивное словосочетание, состоящее из французского прилагательного *belle* в форме женского рода и французского существительного *histoire*.

Б) Существительное + предлог родительного падежа *de* + существительное (26 %):

“If you and Nicole married won't that be ‘*l'amour de famille*’?” (Fitzgerald. Tender is the Night, p. 330). Остров ГЯ состоит из существительного ГЯ с определенным артиклем *l'amour*; предлога ГЯ, передающего принадлежность, *de*; и существительного ГЯ *famille*. ПК представлено субстантивным словосочетанием.

В) Предлог + существительное (7 %):

“He contented himself with expressing surprise that I, too, was not equally *au fait* with the situation”. (Christie. Poirot Investigates, p. 72).

Остров ГЯ состоит из предлога *à* с определенным артиклем единственного числа, мужского рода *le (au)* и существительного *fait*. ПК представлено предложным словосочетанием.

Г) Притяжательное прилагательное + существительное (5 %):

“Monsieur *mon neveu*—we are all like that”. (Thackeray. The History of Henry Esmond, p. 256). Остров ГЯ состоит из притяжательного прилагательного мужского рода *mon* и существительного ГЯ *neveu* и образует субстантивное словосочетание.

Д) Единичные примеры ПК образованы по моделям: «существительное + существительное» (3 %), «существительное + предлог + существительное» (2 %), «наречие + прилагательное» (1 %), «личное местоимение + глагол» (1 %), «наречие + существительное» (1 %).

2. Отдельные слова:

А) Существительное (23 %):

“To *la femme* sentiment is everything – is it not so?” (Christie. Poirot Investigates, p. 99).

Здесь остров ГЯ образован существительным *femme* в сопровождении артикля женского рода, единственного числа *la*.

Б) Прилагательное (4 %):

Last night I found her not so *gentile*. (Hemingway. Fiesta, p. 54).

Остров ГЯ здесь состоит из прилагательного ГЯ *gentile* с окончанием женского рода, единственного числа *-e*.

Острова испанского языка образованы по следующим моделям:

1. Словосочетания:

А) Существительное + прилагательное (26 %):

“We killed a pair of *guardia civil*”, he said, explaining the military saddles”. (Hemingway. For Whom the Bell Tolls, p. 46).

Остров ГЯ состоит из существительного *guardia* и прилагательного *civil*. ПК представлено субстантивным словосочетанием.

Б) Существительное + предлог родительного падежа *de* + существительное (8 %):

“Now he would like to retire like a *matador de toros*”. (Hemingway. For Whom the Bell Tolls, p. 58).

Остров ГЯ состоит из существительного *matador*, предлога родительного падежа *de* и существительного во множественном числе *toros*. ПК представляет собой субстантивное словосочетание.

В) Единичными примерами представлены модели «существительное + существительное» (3 %), «указательное прилагательное + существительное» (1 %), «наречие + прилагательное» (1 %), «предлог + существительное» (1 %), «глагол + местоимение-клитика» (1 %), «числительное + существительное» (1 %), «глагол + существительное» (1 %).

2. Отдельные слова:

А) Существительное (57 %):

“Haven’t you heard la gente?” (Hemingway. For Whom the Bell Tolls, p. 87).

Остров ГЯ состоит из существительного во множественном числе с артиклем.

Б) Глагол (1 %):

“...but only Viva my father”. (Hemingway. For Whom the Bell Tolls, p. 380).

Остров ГЯ представлен глаголом в третьем лице, единственном числе, повелительном наклонении. Эти грамматические значения передаются окончанием *-a*.

Острова латинского языка представлены следующими моделями:

1. Словосочетания:

А) Предлог + существительное (29 %):

“My son, sir, is at this minute chief magistrate of Ramgunge, in the Presidency of Bengal, and touching his four thousand rupees per mensem”. (Thackeray. Vanity Fair 2, p. 43).

Остров латинского языка состоит из предлога *per* и существительного в винительном падеже, единственном числе *mensem*. ПК представляет собой предложное словосочетание.

Б) Существительное + прилагательное (23 %):

“Faith, the beauty of Filia pulchrior drove pulchram matrem out of my head!” (Thackeray. The History of Henry Esmond, p. 248).

Первый остров ГЯ состоит из существительного *Filia* в именительном падеже, единственном числе и прилагательного в сравнительной степени *pulchrrior*. Второй остров ГЯ состоит из прилагательного в винительном падеже, единственном числе, женском роде *pulchram* и существительного женского рода в винительном падеже, единственном числе. Островные ПК представляют собой субстантивные словосочетания.

В) Существительное + предлог + существительное / прилагательное (14 %):

“’Tis rus in urbe”. (Thackeray. The History of Henry Esmond, p. 403).

Остров ГЯ состоит из существительного в именительном падеже, единственном числе *rus*, предлога *in* и существительного в аблативном (отложительном) падеже, единственном числе *urbe*. ПК представляет собой субстантивное словосочетание.

Г) Глагол + (предлог) + существительное / прилагательное (10 %):

“Mori pro patria was his device”. (Thackeray. The History of Henry Esmond, p. 275).

Остров ГЯ состоит из глагола в форме повелительного наклонения единственного числа *Mori*, предлога *pro* и существительного в аблативном (отложительном) падеже, единственном числе *patria*. ПК представляет собой глагольное словосочетание.

2. Отдельные слова: существительное (24 %):

“That is right, Harry,” he said; “faithful little famuli see all and say nothing”. (Thackeray. The History of Henry Esmond, p. 83).

Островное ПК представлено существительным в именительном падеже, множественном числе *famuli* с окончанием *-i*.

Латинские переключения-существительные и согласующиеся с ними прилагательные в английском предложении имеют флексию падежа, свойственного латинскому языку для данной синтаксической позиции. Например,

“Faith, the beauty of filia pulcrrior drove pulcram matrem out of my head!” (Thackeray. The History of Henry Esmond, p. 248).

В приведенном примере два острова ГЯ. В первом острове ГЯ существительное стоит в форме именительного падежа *filia*, поскольку находится в группе подлежащего, а родительный падеж, который требуется по смыслу и, исходя из того, что ПК является определением к подлежащему, уже реализован через предлог *of*. Единицы второго острова ГЯ в этом предложении стоят в форме винительного падежа, которую предписывает функция прямого дополнения. Прилагательное имеет соответствующее падежное окончание *-am*, а существительное *-em*.

Острова итальянского языка образуются по следующим моделям:

1. Отдельные слова:

А) Большинство островных ПК на итальянский язык представлены существительными (68 %):

“I'm not just driving down to the stazione in Milan to see you off”. (Hemingway. A Farewell to Arms, p. 248).

Существительное *stazione* является островом ГЯ, поскольку имеет окончание единственного числа *-e*.

Б) Прилагательные (3 %):

“You're simpatico”. (Fitzgerald. This Side of Paradise, p. 12).

Прилагательное *simpatico* образует остров ГЯ, поскольку имеет словоизменительное окончание единственного числа *-o*.

2. Словосочетания:

А) Существительное + прилагательное (16 %):

“I thought I'd start some pasta asciutta,” he said. (Hemingway. A Farewell to Arms, p. 175).

Остров ГЯ состоит из существительного женского рода в единственном числе *pasta* и прилагательного женского рода в единственном числе *asciutta*. Словосочетание является субстантивным.

Б) Существительное + существительное (10%):

“A little that way like the number of the first regiment of the Brigata Ancona”. (Hemingway. A Farewell to Arms, p. 79).

Остров ГЯ состоит из существительных в единственном числе *Brigata* и *Ancona*. ПК представляет собой субстантивное словосочетание.

В) Существительное + предлог родительного падежа *de* + существительное (3 %):

“They want to get you the medaglia d’argento but perhaps they can get only the bronze”. (Hemingway. A Farewell to Arms, p. 77).

Островное ПК состоит из двух существительных в единственном числе *medaglia* и *argento* и предлога родительного падежа *d’* (*de*).

Рассмотрим синтаксические функции островов ГЯ в их коммуникации.

Островные переключения выполняют разнообразные синтаксические функции: дополнение, предикатив, подлежащее, обстоятельство, часть обращения, сказуемое.

1. Самая распространенная функция, которую выполняют острова ГЯ в нашем материале, – дополнение (43 %), например:

“Cause he’s got la grippe himself!” (Christie. Poirot Investigates, p. 52).

Элемент ГЯ является островным ПК, поскольку содержательная морфема французского языка *grippe* (грипп) сопровождается системной – определенным артиклем женского рода. Переключение происходит в позиции прямого дополнения.

“It wasn't that way with the granatieri”. (Hemingway. A Farewell to Arms, p. 65).

Единица итальянского языка *granatieri* (гранатометчики) является островным ПК, поскольку в состав слова входит окончание множественного числа существительного *-i*. ПК выполняет функцию предложного дополнения.

2. Предикатив занимает второе место по количественному показателю – 23 %.

“That's the real carta del oro”. (Hemingway. To Have and Have not, p. 96).

Функцию предикатива выполняет остров испанского языка *carta del oro* (золотой ярлык).

3. Острова ГЯ выполняют функцию подлежащего в 17 % случаев:

“And, as I tell you, uncertainty breeds panic, which is what *les Boches* are playing for”. (Christie. Poirot Investigates, p. 115).

4. В функции обстоятельства острова ГЯ встречаются в 11 % случаев, например:

“I seem to progress *en reculant*”. (Christie. Peril at End House, p. 118).

5. Острова ГЯ также встретились в функциях определения – 4 %, сказуемого – 1 % и части обращения – 1 %.

Таким образом, ведущими функциями островных переключений являются дополнение и предикатив.

Таким образом, в ходе анализа выяснилось, что во французском и латинском языках в качестве островов ГЯ доминируют субстантивные словосочетания. Испанские и итальянские острова в большем количестве представлены отдельными существительными. Преобладание существительных в итальянских островах объясняется тем, что все существительные там употребляются со словоизменительными аффиксами, поэтому в любой форме будут островными ПК. В ПК во всех рассматриваемых языках распространенным является сочетание существительного с прилагательным или двух существительных, связанных предлогом родительного падежа. Для всех гостевых языков наиболее частотными среди словосочетаний стали субстантивные словосочетания. Ведущими синтаксическими функциями островных переключений являются дополнение и предикатив.

Литература

1. Чиршева Г.Н. Двужычная коммуникация. – Череповец: ГОУ ВПО ЧГУ, 2004. – 190 с.
2. Christie A. Peril at End House. – N.Y.: Pocket Books, 1976 (1931). – 177 p.
3. Christie A. Poirot Investigates. – N.Y.: Bantam Books, 1979 (1923). – 199 p.
4. Fitzgerald F.S. Tender is the Night. – Moscow: Raduga Publishers, 1983. – 400 p.
5. Fitzgerald F.S. This Side of Paradise. – М.: Менеджер, 2004. – 288 с.
6. Hemingway E. A Farewell to Arms. – Moscow: Progress Publishers, 1969. – 320 p.
7. Hemingway E. For Whom the Bell Tolls. – М.: Прогресс, 1981. – 560 с.

8. *Hemingway E. The Sun Also Rises.* – М.: Международные отношения, 1981 (1926). – 248 с.

9. *Hemingway E. To Have and Have not.* – М.: Международные отношения, 1979. – 216 с.

10. *Thackeray W.M. The History of Henry Esmond, Esq.* – Moscow: Foreign Languages Publishing House, 1954. – 596 p.

11. *Thackeray W.M. Vanity Fair. In two parts. Part Two.* – Moscow: Foreign Languages Publishing House, 1950. – 380 p.

Е.И. Осминкина

Череповецкий государственный университет

РОЛЬ ЛИЧНЫХ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ В ОНТОГЕНЕЗЕ ПЕРСОНАЛЬНОГО ДЕЙКСИСА

Исследования в области онтогенеза персонального дейксиса достаточно актуальны в настоящее время. Вопросы, связанные с персональным дейксисом, – это вопросы усвоения детьми коммуникативных ролей, что включает в себя усвоение личных и притяжательных местоимений. Мы в своем исследовании ставим цель определить различия в онтогенезе персонального дейксиса у русскоязычных и англоязычных детей, а также чем именно эти различия обусловлены.

В возрасте примерно от 2 до 3 лет в речи англоязычных детей личные и притяжательные местоимения встречаются чаще, чем у русскоязычных, и они разнообразнее. Кроме того, было установлено, что противопоставление «я – ты» у них уже наличествует в упомянутый период (в отличие от русскоговорящих детей, у которых, как показало данное исследование, оно либо отсутствует, либо выражено слишком нечетко). Является ли это признаком того, что коммуникативный дейксис уже усвоен англоязычным ребенком? Как замечает Г.Р. Доброва, этап, когда ребенок начинает адекватно использовать дейктические элементы (имеются в виду местоимения 1-го и 2-го лица), нельзя считать завершающим в плане освоения персонального дейксиса, хотя основной путь уже можно считать

преодоленным [2]. Какие же факторы обуславливают подобное различие в усвоении личных и притяжательных местоимений в английском и русском языках? Одним из таких факторов, по нашему убеждению, может являться наличие/отсутствие в языке развитой системы личных глагольных форм. В ходе исследования данного вопроса был проведен анализ речи детей в возрасте от 2 до 3 лет. Источником послужили письменные записи детской речи, сделанные родителями. В статье будут приведены примеры из речи русскоговорящего мальчика Вити и англоговорящей девочки Джейн.

Как мы уже говорили, английский язык как аналитический обладает неразвитой системой флексий, в то время как у русского языка (синтетического) эта система весьма обширна. В смысле аналитичности / синтетичности оба языка представляют собой в определенной степени противоположности друг друга. В русском языке знаменательное слово, помимо лексического значения, объединяет в себе различные грамматические значения, в то время как в английском (в подавляющем большинстве случаев) грамматические значения находятся за пределами этого слова, будучи выраженными в служебных словах и/или при помощи определенного местоположения данного слова в структуре предложения. Для нашего исследования важен тот факт, что личная глагольная форма в русском языке содержит в себе, помимо прочего, грамматическую категорию лица, т.е. дейктическую составляющую. Эта форма дейктична, поскольку, как и личные местоимения, указывает на лицо. Отсюда напрашивается предположение, что наличие относительно широкого разнообразия личных глагольных форм в русском языке может служить одной из причин более позднего появления личных местоимений в речи русскоязычного ребенка. Зачем лишний раз указывать на лицо?

Итак, помимо усвоения личных местоимений перед русскоязычным ребенком встает задача усвоения системы личных глагольных словоформ. Как было замечено С.Н. Цейтлин в ее книге «Язык и ребенок», русскоговорящему ребенку приходится научиться способности ощущать границы между основой глагола и формообразовательными аффиксами, в то время как путь англоговорящего ре-

бенка значительно легче, в силу того, что у него есть возможность бесфлексийного употребления словоформ, «и только позднее форма приобретает формообразовательный аффикс, когда языковое сознание ребенка в состоянии уже этот факт воспринять» [6]. Заметим, что исследователь имела в виду не только личные формообразовательные аффиксы.

В русском языке, как известно, к личным глагольным формам относятся формы настоящего и будущего времени. Но следует подчеркнуть, что собственно дейктичными мы называем именно формы 1-го и 2-го лица, которые, как показало наше исследование впоследствии, появляются в речи ребенка позднее остальных форм. С.Н. Цейтлин отмечала, что глагольные формы у русских детей появляются в следующем порядке: 1) протоглаголы (слова, используемые для обозначения действий или ситуаций) («бах», «прыг»); 2) первые глаголы (в период голофраз), которые служат для обозначения требований и обычно имеют форму императива («дай») у одних детей, либо инфинитива («спать», «пить») у других; 3) формы прошедшего времени единственного числа (у кого мужского, у кого женского) («залез», «съела»), а также третьего лица единственного числа настоящего времени («гуляет», «едет») [6]. То есть первыми появляются наименее дейктичные словоформы, и чем дальше, тем «дейктичнее» (первые глаголы, имеющие форму императива 2-го лица и служащие для обозначения требования, нельзя еще считать дейктичными, поскольку в этом возрасте ребенок употребляет их в недейктичном значении).

Как мы уже сказали, наличие личной глагольной формы в русском языке позволяет русскоговорящему человеку (и ребенку) обходиться без личного местоимения. Но значит ли это, что ребенок не понимает значения личного местоимения, которое он опускает?

На примере Вити (2 года 5 месяцев) рассмотрим этап, когда в речи русскоговорящего ребенка начинают появляться личные глагольные формы 1-го и 2-го лица. Самые первые и, следовательно, наиболее частотные – это формы императива (т.е. формы 2-го лица). Затем идут глагольные формы также 2-го лица, единственного числа в изъявительном наклонении. Так, например, в речи Вити

следом за формами повелительного наклонения стали появляться вопросы «хочешь?», «будешь?». Личные местоимения «я» и «ты» в его речи встречаются сравнительно редко на данном этапе. Следующим этапом идет увеличение количества личных глагольных форм 1-го и 2-го лица и личных местоимений.

Вышесказанное может являться косвенным доказательством того, что начало регулярного использования в речи разнообразных личных глагольных форм 1-го и 2-го лица у русскоязычного ребенка будет совпадать с началом регулярного появления соответствующих личных местоимений. Это будет уже следующий этап онтогенеза. Нас интересует, что именно подготавливает этот этап.

Предполагаем, что здесь имеет место некий сравнительно краткосрочный переходный период, когда противопоставление «я – ты» еще не усвоено, но личные глагольные формы 1-го и 2-го лица в изъявительном наклонении уже присутствуют в речи и правильно употребляются. Возможно ли такое вообще? Согласно наблюдению Д. Слобина, усвоение личных глагольных форм и личных местоимений идет параллельно [4]. Кстати, при анализе речи англоязычных детей это утверждение не подтвердилось. Так, Джейн могла сказать “I is”, “I doesn’t like” (сочетание личных местоимений 1-го лица с глагольной формой 3-го лица). Но это положение подтвердилось при анализе речи русскоязычных детей – к примеру, не встретилось случая, когда ребенок говорил «я делаешь» либо «ты делаю». Почему же англоязычные дети «не вписываются» в это правило? Здесь, как нам думается, имеет место тот самый случай, когда исключение подтверждает правило. Всё дело в том, что русскоговорящие дети к этому моменту уже обладают достаточно развитой системой личных глагольных форм 3-го лица и уже в состоянии воспринять ее как противоположную другой системе – системе форм 1-го и 2-го лица, системе дейктичной, для них еще новой и не вполне знакомой. Англоязычный же ребенок еще путает формы 3-го лица с дейктичными формами 1-го и 2-го, поскольку все они одинаково слабо усвоены им на данном этапе онтогенеза.

Итак, идя, казалось бы, вразрез с положением Слобина, предположим, что может существовать такой этап в онтогенезе русскоязычного

зычного ребенка, когда противопоставление «я – ты» еще не усвоено, а соответствующие личные глагольные формы уже наличествуют в речи и адекватно употребляются. Такой период может быть очень краток, он может даже «пройти незамеченным», если не наблюдать зорко. Не имея четких понятий о «я» и «ты», ребенок уже усвоил ситуацию, когда следует употреблять форму 2-го лица – обращаясь к собеседнику, и форму 1-го лица – говоря о себе. Так, Витя О. в возрасте 2 года 5 мес. 5 дней уже употребляет личные глагольные формы 2-го лица единственного числа («слышишь?», «хочешь?», «будешь?», «любишь?», «возьмешь»), а также 1-го лица единственного и множественного числа («не могу», «покажу», «возьмем») изъявительного наклонения. При этом в подавляющем большинстве случаев Витя говорит о себе исключительно в 3-м лице («Витюша поет», «Витя встал» и т.п.), при этом вышеупомянутые личные глагольные формы 1-го лица единичны. А ведь «ты» невозможно без «я». 1-е и 2-е лицо должны усваиваться параллельно. То есть противопоставление «я – ты» Витей еще не усвоено. Кстати сказать, на данном этапе у него уже встречаются местоимения 1-го лица, например, «ко мне», «к нам», но они пока привязаны к ситуации с глаголом «иди» («иди ко мне»).

Таким образом, можно сделать вывод, что для Вити усвоение дейксиса открывается путем понимания, в каких именно речевых ситуациях следует употреблять те или иные формы личных глаголов – то есть говоря о собеседнике/говоря о себе. Это, как нам представляется, подготавливает выход на личные местоимения, т.е. на следующий этап.

Что касается личных глагольных форм в речи англоязычного ребенка, то здесь ситуация заставляет предположить, что они вообще не влияют на появление личных местоимений. Если в речи русскоязычного ребенка личные глагольные формы 1-го и 2-го лица появляются раньше соответствующих личных местоимений, то у англоязычных наоборот – первыми появляются именно личные местоимения. Личные глагольные формы, которые встречаются в речи детей в период от 2 до 3 лет, это личные формы глаголов “to be”, “to do” и “to have”, употребляемых в функции вспомогательных

глаголов и, соответственно, не обладающих лексическим значением. Первой и наиболее частотной является личная форма глагола “to be” – “is”. Личные формы, которые обладают лексическим значением – глагольные формы настоящего простого времени (Present Simple) 3-го лица единственного числа и формы глаголов “to be”, “to have” как основных смысловых глаголов, – начинают появляться уже после 3 лет. При этом англоговорящему ребенку придется проделывать путь, сходный с тем, который уже проделал русскоязычный ребенок на более раннем этапе – усваивая личные глагольные формы в русском языке как единство лексической и дейктической составляющих. Вряд ли было бы уместно делать здесь какие-либо качественные оценки, но чисто логически всё выглядит так, как будто русскоязычный ребенок в данном случае (на данном этапе) «более развит», чем англоязычный. Но не следует забывать, что мозг русскоязычного ребенка уже приспособился к флективной системе языка, тогда как «аналитический» мозг англоязычного ребенка может испытывать трудности в постижении незнакомых для него синтетических явлений языковой системы.

Если говорить о периоде с 2 до 3 лет, то усвоение личных форм вспомогательного глагола “to be” (am, is, are) также имеет свои этапы. Вначале появляется форма “is”, как наиболее частотная, затем “are” и последней “am”. Форма “is” является наименее дейктичной, отсюда понятно ее появление первой. Форма “are” не так проста, так как обозначает и 2-е лицо и 3-е лицо, множественное число. Анализ речи Джейн К. обнаружил следующие особенности усвоения личных форм “to be”. Когда в ее речи уже присутствуют личные местоимения «я» и «ты» (если не в форме, так в значении – в случае с «я»), она начинает делать ошибки при употреблении личных глагольных форм (“I is”, “I doesn’t”, “Jenny don’t”). До этого было немало случаев правильного употребления сочетаний «подлежащее – личная форма» (так, она говорила о себе “don’t like” = “I don’t like”). Это, с одной стороны, может навести на мысль, что ребенок на данном этапе еще не вполне усвоил значение «я» и находится на этапе его эгоцентрического употребления, когда «я» = сам ребенок, который до этого говорил о себе в 3-м лице. С другой сто-

роны, это может служить всего лишь знаком того, что форма “am” еще недостаточно закрепилась в языковой системе ребенка. Причиной этого может быть влияние инпута – форма “is” встречается чаще, чем форма “are”, которая, в свою очередь, употребляется чаще, чем “am”.

Анализ речи англоязычных детей (и Джейн в частности) заставляет прийти к убеждению, что первые личные формы глаголов, встречающиеся у них, имеют мало общего с персональным дейксисом вообще. Так, в случае опущения подлежащего Джейн опускает и личную форму. Личная форма полностью зависима от подлежащего, нет субъекта – нет личной формы. Отсюда следует вывод, что наличие именно лексической составляющей в структуре глагольной формы способствует ее усвоению на раннем этапе усвоения коммуникативного дейксиса.

Итак, личные глагольные формы в русском и английском языке усваиваются разными путями и по-разному оказывают влияние на усвоение личных местоимений. Синтетический путь русскоязычного ребенка начинается с освоения системы личных глагольных флексий, а аналитический путь англоязычного ребенка – сразу с личных и притяжательных местоимений. При этом можно различить, что первыми усваиваются те дейктические элементы, которые наиболее часто встречаются в инпуте. Например, в русском языке это формы повелительного наклонения (без которых родителям обычно не обойтись при обращении к ребенку), глагольные формы 2-го лица единственного числа изъявительного наклонения при вопросах, увещеваниях и т.п. В английском языке это формы “is”, “are”.

Литература

1. *Вольф Е.М.* Грамматика и семантика местоимений (на материале иберо-романских языков) – М., 1975.
2. *Доброва Г.Р.* Онтогенез персонального дейксиса: личные местоимения и термины родства: Дис. ... д-ра филол. наук. – СПб., 2005.
3. *Лепская Н.И.* Язык ребенка (Онтогенез речевой коммуникации). – М., 1997.
4. *Слобин Д., Грин Дж.* Психолингвистика. – М., 1976.

5. *Хлебникова И.Б.* Морфология английского языка: Учеб. пособие. – 3-е изд., испр. – М.: Высш. шк., 2004.

6. *Цейтлин С.Н.* Язык и ребенок: Лингвистика детской речи: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Гуманит. изд. центр «ВЛАДОС», 2000.

О.С. Сальникова

Череповецкий государственный университет

ЕСТЕСТВЕННАЯ ПИСЬМЕННАЯ РЕЧЬ КАК ОТРАЖЕНИЕ ОРФОГРАФИЧЕСКОГО ПОРТРЕТА РЕБЕНКА ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Н.Б. Лебедева выделяет следующие признаки естественной письменной речи (ЕПР): письменная форма, спонтанность и непрофессиональность исполнения [1]. Все эти признаки присутствуют в письме ребенка-дошкольника и проявляются в детских надписях к рисункам, письмах, в стихотворениях, рассказах и др.

Естественная письменная речь, на наш взгляд, является своеобразным «зеркалом», в котором отражаются особенности письма ребенка, орфографический портрет которого мы постараемся представить. При этом орфографический портрет ребенка дошкольного возраста рассматривается нами как совокупность всей письменной речевой продукции детей, которая характеризует этап начала освоения письменной речи ребенком как речевой личностью.

Лингвисты выделяют следующие этапы освоения письма ребенком дошкольного возраста: 1) понимание ребенком факта, что устную речь можно передать на письме с помощью специального буквенного кода; 2) усвоение начертания графического образа отдельных букв; 3) усвоение написания отдельных слов (слово выступает в роли нечленимого комплекса); 4) письмо по правилам, усваиваемым эмпирически; 5) усвоение слогового принципа русской графики; 6) усвоение отступлений от слогового принципа русской графики; 7) переход к пониманию морфологичности русской орфографии [2, с. 38].

Цель исследования: проанализировать соотношение девиаций и нормативных написаний в стихотворениях и рассказах ребенка 7 лет на выделенных выше этапах.

В качестве материала для исследования выступают 3 рассказа и 3 стихотворения, написанные Дашей Ф. (7.2) в течение полутора месяцев. Общее количество словоформ для анализа – 257, из них знаменательных – 234, служебных – 23.

Графические особенности письма.

1. Начертательные девиации: обозначение буквы Э зеркально.

2. Ребенком освоен слоговой принцип русской графики в отношении передачи твердости-мягкости согласного. В 100 % случаев написания типа *твой любимый детский сад* соответствуют норме.

3. Передача мягкости предшествующего согласного с помощью Ь в конце и середине слов соответствует норме: *есть родина своя большая или маленькая* (есть родина своя большая или маленькая).

4. Обозначение фонемы /J/:

4. 1. Нормативное обозначение /J/ с помощью буквы Й в конце слова отмечено в 83 % подобных написаний: домой.

4. 2. Передача /J/ буквами Е, Я в середине и в конце слов после гласной. Встретилось 24 написания подобного типа: *парисуем* (порисуем), *мая* (моя). Девиация отмечена в словоформе *знает: знайт*.

Графо-орфографические особенности письма.

1. Передача на письме ЖИ – ШИ соответствует норме во всех написаниях подобного типа: *машина, машину, поужинали.*

2. Нормативное написание слова уже: *ты уже такая не энергичная.*

3. Написание слова *чуства* (чувства), в котором девочка обозначает мягкость всегда мягкого согласного последующей гласной.

4. Девиация при передаче отступления от слогового принципа русской графики в словоформе энергичная: *энергичная*, как проявление алфавитной графики, от которой ребенок во многих случаях уже отходит.

Орфографические особенности письма.

1. В области гласных:

– в корне слова: *нармальная* (нормальная), *начелся дождик* (начался дождик);

– в приставке: *нарисуем* (порисуем), *наиграть* (поиграть);

– в суффиксе: написание *ещо* (еще);

– в окончании: *на Катинам* (на Катином), *пловам* (пловом).

2. В области согласных:

– в конце слова: непроверяемое написание *веть* (ведь), наряду с проверяемым написанием *разказ*.

– в корне слова: а) из *бесетки* (из беседки); б) *чюства* (чувства); в) *песьня* (песня).

– в окончании: *у каждава* (у каждого).

Орфографические девиации, встретившиеся в письме, представляют собой фонетические написания (за исключением словоформы *ещо*). Ребенок отражает на письме следующие фонетические процессы:

1. Качественная редукция гласных: *горад* (город), *на Катинам* (на Катином) и др. 30 % девиаций встретились наряду с нормативными написаниями в аналогичных случаях.

2. Ассимиляция согласных по глухости, по мягкости: передача на письме ассимиляции согласного по глухости: из *бесетки* (из беседки).

3. Передача позиционной мягкости согласного при помощи Ь встретилась в слове «песня»: однако позиционная мягкость не обозначена в слове *гостях* и в слове *песня* (в другом тексте): *песня о родине*.

4. Диереза: *чюства* (чувства).

В фонетических написаниях прослеживается и влияние орфоэпической нормы: *у каждава* (у каждого), *щто* (что), и влияние разговорной речи: *под зонтикам* (под зонтиками) (пропуск окончания имени существительного).

Девиации в морфологических написаниях, являющихся в то же время проверяемыми нефонетическими, составляют 44 % от общего количества девиаций, в морфологических написаниях, являющихся в то же время беспроверочными нефонетическими, – 15 %.

Нарушение лексико-морфологического принципа (словесно-семантического) встретилось в 3 случаях.

1. Слитное написание предлога и знаменательного слова: *вавсе* (во все). В данных написаниях, видимо, проявляется то, что ребенок воспринимает предлог и знаменательное слово как одно фонетическое слово.

2. Слитное написание составного союза «потому что»: *потомушто я хорошая*.

3. Смещение границы слова отмечено в раздельном написании приставки в слове *постим*: *па спим*. Данное написание отмечено наряду с нормативными написаниями подобного типа: *покушаем па стим паиграем* (покушаем, поспим, поиграем).

С одной стороны, слово в письме ребенка выступает нечленимым комплексом, с другой – фонетическое письмо проявляется в написаниях типа *вавсе* (во все). Всего в текстах встретилось 20 предложно-падежных форм, из них 90 % переданы в норме, а девиации составляют 10 %.

Отметим, что данные девиации и написания, обусловленные влиянием разговорной речи: *под зонтикам* (под зонтиками), *знайт* (знает) – видимо, можно отнести к проявлению индивидуального в письме ребенка – как нетипичные девиации.

Итак, анализ письма ребенка 7 лет показывает, что девиации составляют 5 % от общего количества написаний: из них графические составляют 22 %, графо-орфографические – 8 %, орфографические – 70 %.

Исходя из полученных данных можно сделать следующие выводы.

1. Ребенок знаком с графическим образом букв, начертательная девиация встретилась только при написании буквы Э (зеркальное написание).

2. Девочкой усвоены алфавитные значения букв.

3. В значительной степени девочкой освоен слоговой принцип в обозначении твердости-мягкости согласного с помощью последующего гласного и мягкости согласного с помощью Ъ.

4. О графо-орфографических девиациях и написаниях, соответствующих норме, можно сделать лишь ряд выводов из-за небольшого количества написаний данного типа. Девочкой в значитель-

ной степени освоен слоговой принцип русской графики как определенная система, а отклонения от этой системы представляют собой совмещение и нормативных написаний (ЖИ – ШИ), и девиаций (ЧУ – ЩУ).

5. Полученные данные свидетельствуют о том, что ребенок проявляет неустойчивость письма при обозначении нефонетического написания (использование фонетического письма): *нармальная* и морфологического *нормальная*. Девиации, обусловленные данной особенностью, составляют 68 % от общего количества девиаций. 30 % девиаций встретились наряду с нормативными написаниями в аналогичных случаях.

6. Всего фонетических написаний в текстах ребенка 749 (81 % от общего количества написаний), из них передано в соответствии с нормой 746 (99 %), девиации составили 1 %: гиперкоррекция представлена в написании *разказ* (рассказ), в котором, видимо, проявляется осторожность ребенка при письме, встретилось написание *столеца* (столица) наряду с нормативным написанием *столица*.

Ребенок использует нормативное написание в 90 % морфологических написаний.

7. Нефонетических написаний в письме девочки – 179, из них норме соответствует 82%: *горад*, *своя*.

Соответствия типа «город – города» как проявление единообразия морфемы, в данном случае корня, проявляется для ребенка в звучащей речи. На освоение морфологического письма оказывает влияние и насыщенная письменной речью среда, которая окружает ребенка: книги, витрины магазинов, этикетки на продуктах, реклама. Этим, на наш взгляд, могут быть объяснены нормативные написания типа *Россия*, *Москва*.

8. Полученные данные свидетельствуют о том, что этапы освоения письма, выделенные лингвистами, не имеют четкой границы при переходе к следующему этапу. Девочка уже прошла ряд этапов освоения письма: понимание ребенком факта, что устную речь можно передать на письме с помощью специального буквенного кода; усвоение начертания графического образа отдельных букв; усвоение написания отдельных слов (слово выступает в роли не-

членного комплекса); письмо по правилам, усваиваемым эмпирически; усвоение слогового принципа русской графики. Письмо ребенка характеризуется обобщенностью в освоении отступлений от слогового принципа русской графики.

9. Соотношение фонетических и морфологических написаний в естественной письменной речи ребенка (приблизительно 1: 9) показывает, что элементами являются фонетические написания, а морфологические составляют основу письма.

10. Особенности письменной речи ребенка представляют собой сочетание нормы письма и девиаций, большинство из которых вызваны проявлениями фонетического письма. Указанные черты письма ребенка дошкольного возраста отмечены в образцах естественной письменной речи как проявление ее спонтанности и непрофессиональности исполнения.

Выделенные особенности письменной речи ребенка составят часть индивидуального орфографического портрета ребенка дошкольного возраста, который представляет собой постоянно меняющееся и развивающееся целое, как и сама личность ребенка. Изменения вызывают как внутренние причины (когнитивное развитие ребенка), так и внешние (влияние насыщенной письменной речью среды), а также их сочетание (начинающий складываться опыт чтения).

Литература

1. *Лебедева Н.Б.* Естественная письменная речь как объект лингвистического исследования. – URL: <http://www.unialtai.ru/Journal/vestbspu/2001/gumanit/PDF/lebedeva.pdf>.
2. *Павлова Н.П.* Освоение системы письма ребенком-дошкольником. – Череповец: ГОУ ВПО ЧГУ, 2007. – С. 179.

СТРУКТУРА АССОЦИАТИВНОГО ПОЛЯ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ФОРМИРОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО БИЛИНГВИЗМА СТУДЕНТОВ

Искусственный билингвизм представляет собой владение двумя лингвокультурными кодами, один из которых усвоен в условиях специального обучения. Попеременное использование двух лингвокультурных кодов обязательно влечет за собой процессы диффузии, интерференции, трансформации, синергии на уровне языка и культуры. Термин «билингвизм» обозначает сосуществование двух языков (имеется в виду как социальное явление, так и индивидуальная характеристика *homo loquens*). Изменения, происходящие в результате этих взаимодействий, отражают как интерлингвистические, так и интралингвистические процессы, порождаемые совокупностью лингвистических и экстралингвистических факторов, и эксплицируются и в языковой картине мира, и в самой языковой личности искусственного билингва [4, с. 6–8].

Цель данного исследования – определить, как специфика искусственного билингвизма студентов отражается в структуре их ассоциативных полей.

«Приобретение» еще одного лингвокультурного кода влечет за собой расширение лексических и грамматических знаний, обогащение фразеологического фонда, синтаксическое и стилистическое разнообразие речевой деятельности.

Овладение новым кодом предполагает изменения как в декларативных знаниях (познание новых языковых явлений), так и в процедуральных (приобретение стратегий оперирования языковыми знаниями) [4, с. 10].

У искусственного билингва восприятие лексики и пополнение лексического фонда происходит с позиции более гибкой категоризации, имеет место «приращение» культурных коннотаций. Перестраивание лексикона искусственного билингва осуществляется в направлении осознания семантической подвижности лексем, изме-

нения объема значений, реструктуризации и расширения ассоциативных связей, что влечет за собой расширение объема памяти [1, с. 25–32]. На уровне грамматики лингвистическим маркером билингвизма является сосуществование различных грамматических схем речепорождения. Базисные модели не формируются заново, а воспроизводятся, приращивая к себе новые конструкты, обрастая новыми связями. Продуктом этих процессов выступают новые варианты лингвокультурных моделей, которые и составляют расширенное когнитивное пространство искусственного билингва.

Коммуникативная компетенция искусственного билингва, в отличие от естественного билингва, в отношении иноязычного кода никогда не может быть эквивалентна его компетенции в отношении родного кода [3, с. 275–277].

Обучение иностранному языку обычно начинается, когда человек уже представляет собой речевую личность и в большей или меньшей степени сформировался как языковая личность в родной лингвокультуре [2, с. 176–182].

Изучение иностранного языка традиционно начинается с языкового аспекта, что предполагает, в первую очередь, передачу языковых знаний.

Таким образом, основными конститутивными признаками искусственного билингвизма представляются следующие: 1) асимметричная коммуникативная компетенция в отношении двух языковых кодов, 2) управляемый характер становления искусственного билингвизма, 3) специфическая коммуникативная траектория становления коммуникативной личности искусственного билингва.

Искусственный билингв рассматривается, в первую очередь, как коммуникативная личность, что представляет собой особый аспект рассмотрения личности, где сущностным является ее особая структурированность, характеризующаяся осознанной нацеленностью искусственного билингва на продуцирование и рецепцию иноязычных текстов в процессе научающей коммуникации.

Искусственный билингв – это, в первую очередь, национально-маркированная языковая личность, становление которой имело место в рамках родной лингвокультуры. Освоение нового языкового

кода (возможно, и даже, скорее всего, «ущербного» по отношению к основному семиотическому коду) означает, по нашему предположению, дальнейшее развитие единой, целостной языковой личности, при котором она получает основные ориентиры отражения действительности средствами другого языка, подчиняясь законам другой языковой системы, сохраняя при этом свою национальную идентичность как инвариант.

В качестве уровней подобной «сформированности» указывают следующие: 1) монокультурная коммуникативная компетенция (монокультурность), когда в начале изучения иноязычной культуры основными ориентирами в коммуникативном поведении выступает только родная лингвокультура; 2) интерферирующая коммуникативная компетенция (интерферированность), которая отличается высокой степенью интерференции в процессе адаптации формирующегося билингва к иной коммуникативной культуре; 3) дифференцированная/идентифицирующая коммуникативная компетенция (дифференцированность), при которой имеет место признание и учет лингвокультурных отличий и попытка соответственно выстраивать свое коммуникативное поведение в межкультурной научающей коммуникации; 4) синергично-межкультурная коммуникативная компетенция (синергичность), проявляющаяся в рамках как родной, так и инофонной лингвокультуры и свидетельствующая о высоком уровне аккультурации, с одной стороны, и о расширении коммуникативных горизонтов, коммуникативном «росте» билингва, с другой [4, с. 6–7].

Показателем сформированности искусственного билингвизма можно считать, по нашему мнению, структуру ассоциативных полей англоязычного лексикона. Для определения структуры ассоциативных полей проводился свободный ассоциативный эксперимент с регистрацией первичного ответа. Участниками эксперимента были студенты первого, второго и третьего курсов английского отделения ЧГУ.

По нашим наблюдениям, во время проведения эксперимента процесс поиска слова-реакции представлял трудность для студентов в тех ситуациях, когда слово-стимул не было знакомо; у испы-

туемых возникала некоторая скованность, которая затем проходила с осознанием того, что главное в данном эксперименте лишь поиск ассоциации, а не демонстрация знаний англоязычного лексикона. С одной стороны, язык влияет на мышление, на механизм ассоциирования, а следовательно, реакция на стимул будет реально существующим в языке словом; с другой стороны, в мышлении участников эксперимента может возникнуть принципиально неограниченное количество языковых форм, а значит, можно обнаружить недостаток языковых единиц для выражения их ассоциаций.

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о наличии у участников эксперимента несбалансированного субординативного искусственного билингвизма. Русский язык является для всех опрошенных студентов доминантным, что подтверждается преобладанием русских слов-реакций на английские слова-стимулы.

Если, как предполагается, искусственный билингвизм характеризуется единой концептуально-семантической системой, любому изменению в значении слова в одном языке должно соответствовать одинаковое изменение в значении эквивалентного слова в другом языке, поскольку денотативное значение – концептуальное или когнитивное – не может быть с легкостью изменено.

Формирование билингвизма предполагает усвоение не только второго языка, но и второй культуры. Существуют, по-видимому, бикультуральные индивиды, точно так же, как имеются билингвальные, и отсюда возникает вопрос: могут ли такие «бикультуралы» образовывать некий континуум в диапазоне от смешанного до координативного типов? Мы говорим о том, что студенты английской филологии составляют некий обособленный социум, но в то же время являются членами целого общества.

Билингв, сформированный в искусственных условиях, – это, в первую очередь, национально-маркированная языковая личность, становление которой имело место в рамках родной лингвокультуры. Освоение нового языкового кода означает, по нашему предположению, дальнейшее развитие единой, целостной языковой лич-

ности, при котором она получает основные ориентиры отражения действительности средствами другого языка, подчиняясь законам другой языковой системы, сохраняя при этом свою национальную идентичность как инвариант. Поэтому огромную роль играет перевод слова, через него билингв осуществляет изучение и освоение нового языкового кода, а значит, это приводит к становлению переводческих связей в мышлении билингва. Мы можем отметить, что часть ассоциаций у разных студентов совпадает, некоторые могут возникать только как «переводческие», некоторые носят чисто индивидуальный характер.

Русскоязычная компетенция в билингвизме студентов первого, второго и третьего курсов английского отделения заметно доминирует, несмотря на активное изучение английского языка. Следовательно, при развитии несбалансированного субординативного билингвизма происходит формирование иноязычной и инокультурной компетенции в искусственных условиях.

Структура ассоциативных полей в исследуемом материале является показателем искусственного билингвизма студентов, в ходе формирования которого семантизация лексики чаще всего осуществляется с помощью предъявления эквивалентов из родного языка.

На основе данных, полученных от участников эксперимента, можно судить о доминировании родного языка, о характере запоминания слов билингвами, о механизме их мышления и путях формирования искусственного билингвизма студентов. Огромную роль играет перевод слова, т.к. через него билингв осуществляет изучение и освоение нового языкового кода, а значит, это приводит к становлению переводческих связей в мышлении билингва.

Литература

1. Салихова Э.А. Моделирование процессов овладения и пользования психологической структурой значения слова при билингвизме: Монография. – Уфа: Вагант, 2012. – 478 с.

2. Уфимцева А.А. Предпосылки решения проблемы речевого мышления // Исследование речевого мышления в психолингвистике. – М.: Наука, 1985. – С. 51–72.

3. Фрумкина Р.М. Психолингвистика: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – 2-е изд., испр. – М.: Издательский центр «Академия», 2006. – 320 с.

4. Черничкина Е.К. Искусственный билингвизм: лингвистический статус и характеристики: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Волгоград, 2007. – 30 с.

Г.Н. Чиршева

Череповецкий государственный университет

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ МОНОЭТНИЧЕСКОГО ДЕТСКОГО БИЛИНГВИЗМА

Детский билингвизм может формироваться как в биэтнической (смешанной) семье, где родители являются носителями разных языков и разных культур, так и в моноэтнической семье, где родители являются носителями одного языка и одной культуры.

Цель данной работы – описать основные особенности формирования моноэтнического детского билингвизма в сопоставлении с биэтническим детским билингвизмом. Исследование проводилось в трех русских семьях, в которых дети с первого года жизни усваивали русский и английский языки: мамы общались с ними на родном языке (по-русски), а папы – на неродном (по-английски). Для иллюстрации ряда положений привлекаются также примеры из работ зарубежных билингвологов.

Независимо от того, общаются ли с ребенком на двух языках как на родных или неродных в течение первого года его жизни, у него формируется естественный билингвизм, поскольку усвоение каждого языка происходит в ходе естественной коммуникации, а не при специальном обучении. Разумеется, различия между формированием билингвизма носителем и не-носителем языка существуют, но их специфика выявляется не по способу усвоения языков (есте-

ственному или искусственному), а по компетенции, коммуникативной активности и ряду других параметров.

Как носители, так и не-носители языка настолько привыкают к общению с ребенком на избранном ими языке, что при переходе на другой язык с ребенком оба чувствуют некоторую неестественность. Об этом писал В. Леопольд, носитель немецкого языка [2, с. 143], и Дж. Сондерс, не-носитель немецкого языка, на котором он общался со своими детьми [3, с. 78–81]. Таким образом, привычный язык общения между родителем и ребенком, даже если этот язык не является родным для обоих, становится вполне естественным средством коммуникации. Ребенок чувствует, что этот язык сближает его с папой или мамой. Постоянное общение ребенка и взрослого на определенном языке делает этот язык привычным и естественным средством общения.

Между биэтническим и моноэтническим детским билингвизмом существуют переходные случаи. Если родитель считает родным язык своего этноса, но владеет им хуже, чем языком общества, речевое развитие ребенка на этом языке может иметь те же особенности, что и при моноэтническом билингвизме. Такие ситуации возникают у иммигрантов или биэтнических билингвов во втором или третьем поколении.

При биэтническом составе семьи ребенок усваивает не только два языка, но и две культуры от их носителей. В моноэтнической семье родители являются носителями лишь одной культуры. Поэтому в биэтнической семье ребенок становится и билингвом, и бикультуралом, а в моноэтнической таких шансов гораздо меньше: ребенок может стать билингвом, но остаться монокультуралом. Следствием этого является недостаток социолингвистической, психоллингвистической и этнокультурной компетенции в его речевой деятельности на неродном языке.

Например, носители английского языка, разговаривая на таких языках, как немецкий или русский, имеют трудности с использованием местоимений 2-го лица при обращении к одному человеку. Из-за того, что они не усвоили прагматику использования этих местоимений, их обращения могут звучать грубо и привести к комму-

никативной неудаче. Такая проблема возникла у детей Дж. Сондерса в Германии. Они привыкли обращаться по-немецки только к отцу и всегда использовали местоимение *du*. Хотя отец посвятил специальные занятия этой проблеме перед поездкой в Германию, детям пришлось какое-то время задумываться, прежде чем навык адекватного выбора местоименного обращения к немцам у них автоматизировался [3, с. 191–193].

Недостатки в формировании социопрагматической компетенции на неродном языке проявляются и на невербальном уровне. В моноэтнической семье ее усвоение требует особого обучения в ходе усвоения Я₂, а в биэтнической семье она усваивается в ходе естественной коммуникации с носителями каждого языка.

Углубление монокультуральности у моноэтнических детей-билингвов наблюдается все более явно, когда они начинают учиться в школе, где все предметы преподаются по-русски. Для того, чтобы в условиях русскоязычного общества билингвальный ребенок мог усвоить русско-английскую бикультуральность, необходимо сбалансировать общение ребенка с носителями двух языков и культур.

В одноязычном обществе проблема двуязычной социализации существует для любой семьи, поскольку соотношение ролей на двух языках в ролевом репертуаре ребенка-билингва очень неравномерно. Мотивы его деятельности, связанные с речью на языке общества, разнообразны и имеют тенденцию к постоянному расширению. Речевая деятельность на языке, не представленном в окружающем ребенка обществе, с возрастом ребенка все более сокращается. Например, речевая деятельность на английском языке у русско-английских детей-билингвов ограничена лишь одной постоянной ролью – сына – в ситуации общения «отец – сын», но постепенно и она имеет тенденцию к сужению. Со временем у ребенка все больше усиливается самоидентификация с определенным этносом. Показательно в этом отношении высказывание восьмилетнего Пети в ответ на вопрос взрослого о том, кем он хочет быть. Петя понял этот вопрос по-своему и сказал: *Просто русским человеком.*

Как в биэтнической, так и в моноэтнической семье самым эффективным принципом билингвального воспитания является принцип «один человек – один язык». При его реализации возможны 4 варианта, отличающиеся языком/языками общения родителей между собой в присутствии ребенка: а) родители общаются на языке общества; б) общение между родителями (носителями Я₁) осуществляется на языке ином, чем язык общества; в) в общении друг с другом родители используют тот язык, на котором говорят с ребенком (Я₁→←Я₂); г) общаясь друг с другом, родители чередуют родной (Я₁) и неродной (Я₂) языки. Вариант (а) является наиболее частотным как в применении, так и в исследовании случаев моноэтнического и биэтнического детского билингвизма.

Для формирования как моноэтнического, так и биэтнического билингвизма ребенка применяются также локальный и темпоральный принципы. Например, темпоральный принцип (чередование русского и английского языков через день) применялся в одной из семей г. Череповца мамой в воспитании дочери, которую мама в «английский» день называла *Ann*, а в «русский» – *Аня*. Рецептивный билингвизм ее дочери был сформирован, но активности в использовании английского языка было недостаточно.

Родители, формирующие детский билингвизм, должны следовать не только принципам билингвального воспитания, но и использовать определенную методику для того, чтобы помочь детям лучше усвоить тот язык, на котором с ними разговаривают. Это означает применение продуманных стратегий общения и методов коррекции детской речи.

Как показала С. Дёпке, успешное формирование сбалансированного билингвизма во многом определяется продуманной методикой со стороны родителей, особенно тех, кто общается с ребенком на недоминантном или неродном языке. Она выявила зависимость особенностей речи детей от применения разных типов коммуникативных стратегий и характера исправлений ошибок их родителями в немецко-английских биэтнических и моноэтнических семьях Австралии. С. Дёпке предположила, что недоминантный или неродной язык усваивается ребенком лучше, если тот родитель, с кото-

рым ребенок на нем общается, в большей степени использует стратегию, ориентированную на ребенка (a child centred mode of interaction), чем родитель с доминантным (или родным) языком. Это означает, что родители больше внимания обращают на смысловое содержание речи ребенка, а не на форму или язык его высказываний [1].

Оба языка при их одновременном усвоении рассматриваются ребенком как средство повседневной коммуникации и познания окружающей действительности. Поэтому на ранних этапах формирования билингвизма он использует одинаковые стратегии для их освоения. Одной из основных является «стратегия облегчения» (relief strategy), которая проявляется в том, что ребенок делает выбор между единицами того или другого языка в зависимости от уровня владения ими. Проявления этой стратегии разнообразны: а) в «нулевой интерференции», когда ребенок избегает трудных для произнесения слов любого языка, б) в упрощении единиц обоих языков, в) в частых переключениях кодов.

Формирование естественного билингвизма не исключает применения обучающих стратегий, особенно значимых при освоении ребенком недоминантного языка в биэтнической семье или неродного языка в моноэтнической семье. Для формирования лексикона и усвоения грамматических структур применяются методы моделирования (modelling and patterning techniques), повторения усвоенного (rehearsing techniques), проверочные (testing) и корректирующие (eliciting techniques). Первые направлены на то, чтобы обеспечить инпут достаточным количеством лексических и грамматических моделей, вторые – на их закрепление с помощью высказываний взрослых, третьи – на выявление степени сформированности определенных навыков и четвертые – на коррекцию ошибок [1].

Обучающие приемы не должны мешать ребенку в его деятельности, они должны органично вплестаться в нее. Излишняя настойчивость родителей в использовании обучающих приемов, их оторванность от его коммуникации может вызвать негативное отношение ребенка к одному из языков (обычно неродному или недоминантному). Наблюдения за английским инпутом при становле-

нии русско-английского моноэтнического билингвизма показали, что в ходе билингвального воспитания Сережи и Пети их папы применяли более разнообразные обучающие приемы и при этом больше ориентировались на содержание высказываний детей, чем папа Андрюши. Отец Андрюши стремился к излишней демонстрации навыков сына, слишком настойчиво требовал исправлений его высказываний и выбора языка, вмешивался в его игры. В результате неадекватной стратегии мальчик уже в три года редко отвечал ему по-английски, а иницилирующие реплики на английском языке перестал использовать еще раньше.

Все дети, одновременно усваивающие два языка как в биэтнических, так и в моноэтнических семьях, рано начинают анализировать и сопоставлять языковые факты, оценивать речевые особенности коммуникантов, что проявляется в активизации их металингвистической и метакоммуникативной деятельности. Они одинаково активно используют оба языка для создания своих словообразовательных инноваций, для игры слов. Языковые игры становятся источником эстетического наслаждения для ребенка, которому нравятся оба языка и в речи на которых он чувствует себя уверенно. Знание правил позволяет ему сознательно отступать от них для достижения комического эффекта.

Как в биэтнических, так и в моноэтнических семьях, где дети воспитываются по принципу «один родитель – один язык», они часто переводят сообщения, которые папа просит передать маме, и наоборот. Такая привычка вырабатывается постоянно при условии соблюдения принципа раздельного общения на двух языках в семье.

Дети-билингвы очень рано начинают осознавать свою возможность участвовать в двуязычной коммуникации в роли «переводчиков». Двухлетний Сережа сообщил, что он *работает переводчиком*, когда помог своей русскоязычной маме понять высказывание их американской гостыи.

Родители могут специально активизировать переводческую деятельность детей в семье с помощью следующих приемов:

- 1) использование перевода при неверном выборе ребенком языка;
- 2) перевод как способ семантизации для развития детского лексикона;
- 3) просьба перевести слово или целое высказывание, свое или чужое;
- 4) просьба помочь друзьям, не понимающим (мульт)фильм на Я₂;
- 5) просьба рассказать на Я₂ то, что узнал на Я₁,
- 6) просьба оценить чей-то перевод.

Положительное отношение к изучению новых языков у детей-билингвов формируется как в биэтнических, так и в моноэтнических семьях. Уже сам факт двуязычия позволяет им считать себя способными к изучению третьего, четвертого и последующих языков.

В условиях раннего детского билингвизма активизируется процесс развития биграмотности: научившись читать на одном языке, дети-билингвы сами стремятся читать и на втором знакомом им языке. Можно утверждать, что, если сбалансировать объем «книжного инпута» на двух языках, это будет способствовать раннему развитию биграмотности на основании положительного переноса навыков. Ребенка можно специально обучать чтению только на одном или двух языках, а чтение на всех последующих языках он осваивает самостоятельно. Это явление отмечают родители в биэтнических и моноэтнических семьях в равной степени.

Таким образом, при сопоставлении особенностей освоения двух языков в моноэтнических и биэтнических семьях можно утверждать, что общих черт наблюдается гораздо больше, чем различий. Общими чертами являются: естественный способ освоения двух языков, функции двух языков в речевой деятельности ребенка, активизация металингвистических, переводческих, лингвокреативных способностей, формирование биграмотности, интерес к усвоению новых языков, положительное отношение к билингвизму и ряд других. Общие требования, предъявляемые к родителям в биэтнических и моноэтнических семьях, заключаются в необходимости сба-

лансировать инпут, выбрать эффективный принцип билингвального воспитания, применять адекватные коммуникативные стратегии, обучающие и корректирующие методы и приемы. Главные отличия между моноэтническим и биэтническим билингвизмом обнаруживаются в лингвистическом и социопрагматическом наполнении инпута, ролевой структуре коммуникативных ситуаций, что сказывается на формировании либо бикультурального, либо монокультурального билингвизма.

Одновременное усвоение двух языков благоприятно влияет на развитие ребенка как в биэтнической, так и в моноэтнической семье, поскольку требует много внимания со стороны родителей. В биэтнических семьях, помимо этого, билингвальное воспитание дает возможность сохранить родные языки и культуры для будущих поколений.

Литература

1. *Döpke S.* One parent – one language: An interactional approach. – Amsterdam: John Benjamins, 1992. – 231 p.
2. *Leopold W.F.* Speech development of a bilingual child: A linguist's record: v. 3. Grammar and general problems in the first two years. – Evanston, Ill.: Northwestern Univ. Press, 1949. – 200 p.
3. *Saunders G.* Bilingual children: From birth to teens. – Clevedon: Multilingual Matters, 1988. – 274 p.

ПРОБЛЕМЫ ПОРОЖДЕНИЯ И ВОСПРИЯТИЯ РЕЧИ

Материалы XI выездной школы-семинара
(7–8 декабря 2012 г., г. Череповец)

Редактор-корректор: Г.В. Иванова
Технический редактор: М.Н. Авдюхова
Дизайн обложки: В.Н. Курочкина
Лицензия А № 165724 от 11.04.06 г.

Подписано в печать 16.09.13 г. Формат $60 \times 84 \frac{1}{16}$.
Гарнитура таймс. Уч.-изд. л. 5,0. Усл. п. л. 5,8.
Тир. 300 (1 з-д 20). Зак.

ФГБОУ ВПО «Череповецкий государственный университет»
162600 г. Череповец, пр. Луначарского, 5.